PG3453
.B685
V62
1907

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3453
.B685
V62
1907

00005294086

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/voimiaiskusstvap00bres

P1
7104/85
Б-87
1941 г.
PG3453
.B685
V62
1907

Н. Н. Брешко-Брешковскій.

Во имя искусства.

Проверено

ПОВѢСТЬ.

1945 г.
16653

IMIA ISKUSSTVA

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
AT CHAPEL HILL

платное приложеніе къ журналу „Родникъ" за 1907 г.

Типографія А. К. Вейерманъ, Мѣщанская 2.

710 4/85

I.

Дверь прозрачнаго, какъ фонарь, крыльца распахнулась. Мѣдная ручка была горяча отъ знойныхъ лучей южнаго украинскаго солнца. Настасья Фоминишна даже отдернула поспѣшно свои бѣлые пальцы и дунула на нихъ по старой привычкѣ, когда, средь хлопотъ у пылающей печи, обжигала нечаянно руки. Но это было давно... Тогда — совсѣмъ другое было. Настасья Фоминишна стряпала, мыла, шила бѣлье и нанковые штаны своему покойному „чоловику", дьякону церкви села Бесагъ.

Много утекло воды съ той поры. Истыканныя иголками, огрубѣвшія, красноватыя отъ вѣчной стирки руки Настасьи Фоминишны успѣли поблѣднѣть и понѣжнѣть отъ праздной жизни въ довольствѣ: уже нѣсколько лѣтъ живетъ она экономкой въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ генерала Тимашевскаго.

Настасья Фоминишна сощурила свои глаза, синіе, большіе и ясные, точно открытыя окна въ душу.

Генеральскій домъ, какъ и большинство украинскихъ помѣщичьихъ домовъ, фасадомъ выходилъ на дворъ; другая же часть его, вмѣстѣ съ обширнымъ балкономъ — въ садъ. Границей между дворомъ и садомъ служилъ невысокій заборъ съ двумя калитками, упиравшійся въ боковыя стѣны дома. Настасья Фоминишна прошла въ садъ...

Садъ старый, запущенный, безъ системы, безъ плана. Нѣтъ ровныхъ широкихъ дорожекъ, скрещивающихся подъ прямыми углами, нѣтъ липовыхъ

аллей, которыя, путемъ неустаннаго цѣлыми десятилѣтіями подрѣзыванія внутреннихъ вѣтвей, уподоблялись длиннымъ, безконечнымъ гротамъ, нѣтъ площадокъ, бесѣдокъ, газоновъ, ничего этого нѣтъ. Предки генерала Тимашевскаго почти не жили въ Бесагахъ, предпочитая Петербургъ, заграницу, и некому было заботиться о внѣшности сада. Даже цвѣтникъ у балкона — самый жалкій. Двѣ, три клумбочки—и обчелся.

Каждая тропинка, каждый кустикъ спѣлаго мохнатаго крыжовника хорошо знакомы Настасьѣ Фоминишнѣ. Издавна знакомы. Въ дѣтствѣ, замарашкой, бѣгала она сюда тайкомъ съ ребятишками воровать смородину, яблоки. Тогда еще жива была покойная генеральша, строгая, чопорная. Боялись ее ребятишки — не приведи Богъ. Чуть только примѣтятъ зоркими глазенками на балконѣ сухощавую фигуру въ чепцѣ, — сейчасъ бѣжать опрометью. Только пятки сверкаютъ. Генеральша шутить не любила...

Вотъ купа обнявшихся липъ стоитъ одиноко. Точно уцѣлѣвшая послѣ сказочной сѣчи дружная семья великановъ сплотилась, рѣшивъ дорого продать свою жизнь грозному врагу-невидимкѣ. И долго, пожалуй, нѣсколько человѣческихъ жизней, стоятъ напряженно дряхлыя липы и все ждутъ, ждутъ... Все шире и шире разрастаются вѣтви, все морщинистѣе становятся корявые, кое-гдѣ треснувшіе стволы. Чуть колышется на нѣжномъ фонѣ глубокихъ и чистыхъ небесъ купающаяся въ прозрачномъ желтоватомъ морѣ солнечныхъ лучей густая, зеленая листва. Тамъ прохладно, тѣнь...

Молодой корнетъ, старшій сынъ генерала, покачивался въ гамакѣ, висѣвшемъ между двумя толстыми липами. Стройный, средняго роста, гусаръ былъ въ малиновыхъ рейтузахъ и куцомъ разстегнутомъ кителѣ. На прямыхъ, твердыхъ голенищахъ у колѣнъ — по кокардѣ. Алексѣй Викторовичъ курилъ сигару. Голубоватый дымъ клубился прозрачнымъ облачкомъ.

—Алексѣй Викторовичъ, вы не видали Петра Викторовича? спросила Настасья Фоминишна.

—Хватились, презрительно уронилъ корнетъ.— Этотъ дурачокъ сидитъ гдѣ-нибудь на берегу да малюетъ какого-нибудь вонючаго хлопца.

—Почему дурачокъ? машинально спросила молодая женщина.

—А потому, что не умный... Юродивый. Спросите папашу.

Фигура Настасьи Фоминишны то вырисовывалась на зеленомъ фонѣ сада, то исчезала, удаляясь. Гусаръ безучастно провожалъ ее глазами, раскуривалъ потухшую сигару и напѣвалъ:

„Да, это онъ — мой полкъ родной...“

Алексѣй Викторовичъ только слегка ошибся относительно времяпровожденія своего младшаго брата, Пети. Дѣйствительно, Петръ писалъ этюдъ, только не „вонючаго хлопца“, а сломленной ураганомъ старой березы, въ полуверстѣ отъ генеральской усадьбы.

Купа обнявшихся липъ касалась вѣтвями забора. Въ этомъ заборѣ — калитка, ведущая къ скошенному лугу, надъ ровнымъ зеленымъ ковромъ котораго возвышались мѣстами одинокія деревья. Вокругъ синѣли большіе лѣса, и чѣмъ дальше находились они, тѣмъ нѣжнѣй и прозрачнѣй обозначалась ихъ зубчатая синева. Если, выйдя изъ калитки, слѣдовать по узенькой, робко сѣрѣющей тропинкѣ, можно выйти къ самому берегу Ипути, гдѣ, подъ большимъ холщевымъ зонтикомъ, работалъ Петя. Зонтикъ съ камышовыми спицами — какими уличныя торговки на югѣ защищаются отъ жаркаго солнца — былъ привязанъ къ воткнутой въ землю остроконечной палкѣ. Все это сооруженіе, вмѣстѣ съ домашняго издѣлія мольбертомъ и фигурой сидѣвшаго на походной складной табуреткѣ юноши, кидало на зеленый, кое-гдѣ неровно выстриженный лугъ длинную причудливую тѣнь съ мягкими, расплывающимися контурами.

Девятнадцатилѣтній Петя, худощавый, довольно высокій, нисколько не походилъ на брата. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ пепельные вьющіеся волосы, мягкость манеръ, унаслѣдовалъ тонкость и благородство чертъ красиваго лица. Только душа у него не материнская, а нѣжная, любящая. Не виноватъ былъ въ этомъ и генералъ, Викторъ Дмитріевичъ. Почему непремѣнно наслѣдственность во всемъ? Недаромъ существуетъ пословица: „въ семьѣ не безъ урода“.

Петя окончилъ кіевскій кадетскій корпусъ. Шли семидесятые годы. И новыми, и полузабытыми настроеніями повѣяло кругомъ. Могучія, властныя, проникли они даже за толстыя казенныя стѣны корпуса. Кадеты старшихъ классовъ усердно пополняли свое образованіе чтеніемъ, слѣдили за общественной жизнью. Въ библіотекѣ получались „Отечественныя Записки“ и начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Ничего не подѣлаешь, — духъ времени. Съ нимъ трудно бороться. Новыя птицы, новыя пѣсни. Иначе быть не должно и не можетъ. Далеко не каждый выпускъ выходилъ цѣликомъ въ офицеры. Одни шли служить по земству, тогда еще молодому, недавно зародившемуся, полному надеждъ и упованій. Другіе, дѣти помѣщиковъ, основывались въ родныхъ деревняхъ, присматривались къ крестьянину, руководили школами. Въ душѣ, платонически, Петръ Тимашевскій сочувствовалъ этимъ товарищамъ своимъ, однокашникамъ. Участвовалъ въ кружковыхъ чтеніяхъ, спорилъ. Но жизнь общественнаго дѣятеля, борца, не звала его на свою арену. Другой міръ манилъ его къ себѣ, призрачное царство творческихъ грезъ, сотканное изъ красоты, чистой, прекрасной, полное красочныхъ аккордовъ, упоительныхъ, ласкающихъ глазъ, гармоничныхъ симфоній. Онъ желалъ сдѣлаться художникомъ, желалъ во что бы то ни стало.

Съ дѣтскихъ лѣтъ ощущалъ въ себѣ Петя это стремленіе, сперва — неясно, смутно, потомъ опредѣленнѣй, ярче. Учитель рисованія, Иволгинъ, ук-

рѣпилъ и развилъ въ немъ любовь къ искусству. Особенно, когда замѣтилъ у Тимашевскаго выдающіяся способности. Иволгинъ самъ былъ очень талантливый; только судьба и обстоятельства жизни, которыя часто сильнѣе насъ, помѣшали ему расправить крылья, выпрямиться во весь ростъ и цѣликомъ проявить свое дарованіе. Теперь нѣтъ такихъ, вымершій типъ. Весь бритый, въ очкахъ, съ боковымъ чиновничьимъ проборомъ, вѣчно наглухо застегнутый вицъ-мундиръ. Но подъ этимъ темно-синимъ потертымъ вицъ-мундиромъ билось горячее, благородное сердце, подъ этой прозаической внѣшностью таилась глубоко-художественная натура. И теперь трудно существовать картинами художнику безъ имени, тогда же было еще труднѣе. Бѣдный, многосемейный, Иволгинъ, окончивъ академію, пошелъ въ учителя. Маленькаго жалованья не хватало, и приходилось бѣгать по частнымъ, скудно оплачиваемымъ урокамъ. Усталый, измученный возвращался домой вечеромъ Иволгинъ. До картинъ ли тутъ! Свою наболѣвшую душу неудачникъ отводилъ въ бесѣдахъ объ искусствѣ съ Тимашевскимъ; отводилъ въ рисованіи, при лампѣ, трепещущихъ жизнью жанриковъ. Такихъ мастерскихъ рисунковъ и у самого Перова было немного. Карандашъ Иволгина стремился запечатлѣвать окружающую дѣйствительность, — воспитался же старикъ на классическихъ идеалахъ. Восторженно, благоговѣйно говорилъ онъ о Рафаэлѣ, Гвидо-Рени и о великомъ учителѣ своемъ — Брюлловѣ. Но, на самомъ дѣлѣ, безсознательно для Иволгина, эти далекіе, гордые боги были чужды ему.

—...Боже упаси васъ на службу, — конецъ! говорилъ Петѣ Иволгинъ съ ужасомъ. — Двумъ богамъ служить нельзя. Чего вамъ? Генералъ, слава тебѣ Господи, съ большими средствами. На вашъ вѣкъ хватитъ! Всю жизнь можете посвятить живописи. Вотъ бѣднякамъ, какъ я, — это, дѣйствительно, трудно. А вѣдь было время, самъ Карлъ Павловичъ, — мы его Карломъ Великимъ звали, поистинѣ

великій былъ мастеръ, — замѣчалъ мнѣ неоднократно: „Изъ тебя, Иволгинъ, большой прокъ можетъ выйти, ибо ты хорошо овладѣлъ двоякимъ рисункомъ: и классическимъ, и повседневнаго жанра...“ Эхъ, было времячко. Надеждъ, мечтаній сколько роилось!.. Все прахомъ разсыпалось. Никуда я теперь не гожусь — беззубый, старый инвалидъ.

Иволгинъ тяжело вздыхалъ, снималъ большіе очки въ серебряной оправѣ, добывалъ клѣтчатый платокъ, длительно сморкался и украдкой вытиралъ навернувшіяся слезы. Вмѣстѣ съ нимъ плакалъ и Петя. Острымъ, ноющимъ чувствомъ становилось жаль ему каждый разъ добраго учителя, весь смыслъ жизни котораго такъ безпощадно и жестоко загубленъ внѣшними обстоятельствами. Сколько пришлось ему выстрадать. Какую тяжелую драму таилъ онъ вѣчно въ своей наболѣвшей душѣ!

Петя окончилъ корпусъ и пріѣхалъ въ началѣ іюня къ отцу, въ родные Бесаги. Хотя любимцемъ генерала считался гусаръ Алексѣй, но Викторъ Дмитріевичъ встрѣтилъ довольно тепло и младшаго сына. Тепло по-своему. Онъ давилъ ему плечи, заставлялъ выпячивать грудь, ущемлялъ между пальцами его подбородокъ, щеки, и только разъ прикоснулся жестковатыми обкуренными усами къ его щекѣ.

Послѣ первыхъ привѣтствій генералъ спросилъ:

—Куда хочешь? Ступай въ уланы! Одинъ сынъ— гусаръ, другой уланъ. Объ артиллеріи и думать не смѣй! Ученые! съ презрѣніемъ замѣтилъ Викторъ Дмитріевичъ. — Тимашевскіе должны служить въ кавалеріи. Таковы наши традиціи. Изъ рода въ родъ. Въ драгуны не стоитъ! Пѣшій строй! Мовешки! Мы всегда ихъ мовешками называли. Добрый кавалеристъ не долженъ шагать. Лошадь, только на лошади. По - эскадронно, шагомъ маршъ! Сигналы знаешь? Я тебя за лѣто научу. Интересно! Итакъ, въ уланы? Хочешь въ одиннад-

цатый Чугуевскій? Мы съ полковымъ командиромъ давнишніе пріятели. Баронъ Штренбергъ. Пятьсотъ въ мѣсяцъ довольно тебѣ? Тимашевскіе никогда не бывали послѣдними. Пятьсотъ Алешѣ, пятьсотъ и тебѣ, — поровну. Что же ты молчишь? Не отвѣчаешь? Зачѣмъ похоронную рожу скорчилъ? Не нравятся уланы, — никто тебя за шиворотъ не тащитъ, будь гусаромъ! Не хочешь ли въ кавалергарды? Больно жирно, не по карману мнѣ. Ну, отвѣчай же, отвѣчай, съ тобой говорятъ.

Петя собрался съ духомъ и нерѣшительно началъ:

— Папаша, я не хочу въ уланы... я никуда не хочу....

Генералъ даже глаза выпучилъ отъ изумленія, и зеленовато-сѣдые усы его зашевелились.

—Что такое?.. Никуда не хочу! Чего жъ ты хочешь? Въ чинодралы, въ штафирки, свиней пасти?...

—Мнѣ бы хотѣлось.... въ академію, пролепеталъ едва слышно Петя, потупившись и краснѣя.

—Да вѣдь прежде чѣмъ въ академію, надо послужить въ строю нѣсколько лѣтъ. Дурень ты этакій. Кажется, долженъ знать,—корпусъ окончилъ.

Отъ досады и боли душевной, что генералъ такъ далекъ отъ его завѣтныхъ желаній, у юноши выступили слезы. Онѣ только раздражили сильнѣе Виктора Дмитріевича.

—Заревѣлъ. Этого недоставало! Бабья натура. Глаза на мокромъ мѣстѣ. Или поворачивайся налѣво кругомъ, или выражайся, чтобы отецъ могъ тебя понимать. Мудришь много! Бояться меня нечего — не волкъ, не съѣмъ. Говори толкомъ, какая тамъ еще чепуха взбрела тебѣ въ голову?

Петя сдѣлалъ надъ собою усиліе, глотнулъ что-то удушливое, тяжелое, клубкомъ подступавшее къ горлу вмѣстѣ съ рыданіями, и отвѣтилъ, по-возможности, твердо:

—Папаша, отпустите меня въ Академію Художествъ. Я хочу быть художникомъ... Художникомъ

хочу быть, повторилъ Петя въ приливѣ какой-то странной рѣшимости.

Въ сторону отшатнуло генерала. Чуть не упалъ. Глаза, казалось, прочь изъ орбитъ выскочатъ.

—Въ Академію Художествъ? Въ пачкуны? Разодолжилъ, сынокъ, нечего сказать. Да ты, я вижу, совсѣмъ блажной. Думаешь ли ты, что говоришь? Врагъ я тебѣ заклятый, которому надо отомстить? Только врагъ подобную штуку придумаетъ, а не сынъ родной. Да знаешь ли ты, что такое художники? Пропащіе люди, мразь, пьяницы, людишки безъ положенія, безъ средствъ, безъ всего. Двери порядочныхъ домовъ передъ ними закрыты. Ихъ никуда не пускаютъ. Тимашевскіе записаны въ шестую книгу, я государя моего генералъ-лейтенантъ... Развѣ это дворянское дѣло? Не было печали.... Да минетъ сія чаша мою сѣдую голову, да пройдетъ мимо подобный позоръ! Художники! Знаешь, кто идетъ въ художники? Податное сословіе. Крѣпостные мужики шли. Они, наши холопы, въ академіи учились, какія-то тамъ медали получали, а мы драли ихъ потомъ преспокойнымъ манеромъ на конюшнѣ. Ты вотъ художникъ— рисовать научился, а мы тебѣ всыплемъ горяченькихъ... И думать не смѣй!.. Пошелъ вонъ съ моихъ глазъ, дуракъ, круто вдругъ оборвалъ свою энергичную рѣчь генералъ и ушелъ изъ комнаты.

II.

Сейчасъ, сидя подъ исполинскимъ зонтикомъ, Петя вспомнилъ этотъ разговоръ, происходившій два мѣсяца назадъ. Живо и ясно до боли вспомнилъ. Онъ совершенно отказывался понимать стараго генерала. Отецъ казался ему прямо какимъ-то чудовищемъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мало-мальски неглупый, мыслящій человѣкъ можетъ притти къ такому презрительному отрицанію искусства и его представителей? Что-то безгранично нелѣпое, дикое, не поддающееся никакому объясненію. Юноша не могъ понять, что выросшій въ ка-

зарменной николаевской атмосферѣ, грубый и кичащійся своимъ шестикнижнымъ дворянствомъ крѣпостникъ-отецъ не могъ, органически не могъ быть другимъ человѣкомъ. Это явилось бы рѣдкимъ исключеніемъ.

За все время каникулъ, отецъ много, если десяткомъ фразъ обмолвился съ младшимъ сыномъ. Викторъ Дмитріевичъ старался не замѣчать Пети. Словно и не существовало его. Но это не мѣшало генералу за обѣдомъ, за чаемъ, при всякомъ „удобномъ" случаѣ взапуски съ Алексѣемъ всячески бранить и поносить художниковъ. Изъ-подъ сѣдыхъ пучковатыхъ бровей Викторъ Дмитріевичъ украдкой наблюдалъ, какъ отъ его глумливыхъ рѣчей Петя вспыхиваетъ краской, блѣднѣетъ, какъ дрожатъ руки — и это вдохновляло генерала на новыя изощренія по части травли бѣдныхъ художниковъ. Даже Настасьѣ Фоминишнѣ становилось иногда не въ моготу и она смущалась, чувствовала себя неловко и бросала на генерала и Алешу умоляющіе взгляды, которыхъ тѣ не замѣчали, не желали замѣчать.

Петя всегда былъ одинокимъ, — и теперь, и даже въ раннемъ дѣтствѣ, при жизни матери. Покойная генеральша ухитрялась по цѣлымъ днямъ не видѣть своихъ сыновей, всецѣло предоставленныхъ попеченію француженки-гувернантки...

Юношѣ плохо работалось на этотъ разъ. Унылыя мысли, неотступно преслѣдовавшія Петю, мѣшали нераздѣльно отдаться этюду. Кромѣ того, онъ выбралъ задачу не подъ силу своей далеко еще неокрѣпшей, слабой техникѣ. Передать увядшую березу со множествомъ тонкихъ, безпомощно повисшихъ вѣтвей съ золотисто-красной листвой не такъ-то легко и болѣе зрѣлому опытному мастеру. Выписать каждый сучекъ, каждый листикъ прямо немыслимо, а дать общее впечатлѣніе посредствомъ мазковъ и пятенъ — Петя не можетъ. Необходимы знаніе рисунка и пока еще чуждая ему смѣлость кисти. И получалось на холстѣ у

него что-то тяжелое, корявое, ничего общаго не имѣющее съ легкимъ, трепещущимъ, купающимся въ тепломъ яркомъ воздухѣ убранствомъ погибшей березы...

„Необходимо учиться, много учиться. Цѣлые годы. Въ академію. Пора думать объ этомъ серіозно. Сентябрь не за горами. Пусть отецъ что хочетъ дѣлаетъ, а я уйду“, рѣшилъ Петя. Одна мысль провести съ генераломъ въ Бесагахъ осень и зиму кидала юношу въ ужасъ. Ни за что на свѣтѣ. Лучше пѣшкомъ уйти, безъ гроша денегъ, лучше голодать...

Обязанности мастехина исполнялъ у Пети столовый ножъ. Юноша счистилъ имъ съ холста не удавшуюся березу и сошелъ къ водѣ перемыть кисти.

Спокойная, глубокая Ипуть змѣилась межъ береговъ, покрытыхъ то сочной травой, то кустарникомъ, — подставляя свою широкую зеркальную поверхность теплымъ нѣжащимъ ласкамъ близкаго къ горизонту солнца и далекихъ, кое-гдѣ облачныхъ небесъ. Рѣка горѣла, сверкала, вспыхивала самыми причудливыми колерами — оранжевымъ, вишневымъ, золотистымъ, блѣдно-розовымъ... Иногда всплескивалась крупная рыба, искрился на солнцѣ фонтанъ брызгъ и по недвижной глади расходились правильные блестящіе круги. Стремительно ныряли низко въ воздухѣ нарядныя стрекозы, почти бороздя воду своими хрупкими, прозрачными, какъ стеклянная паутина, крылышками.

Далеко, тамъ гдѣ пропадаетъ изъ глазъ Ипуть, бѣлѣетъ надъ зеленью сада граненая башня дворца князей Добижа, выстроеннаго самимъ Растрелли. Эта красивая стройная башня, розовѣющая отъ солнечныхъ рефлексовъ, являлась для Пети всегда отголоскомъ другого интереснаго мірка, гдѣ люди живутъ средь картинъ и статуй, гдѣ атмосфера насыщена чѣмъ-то изящнымъ, тонкимъ.

Юноша вздохнулъ, вытирая тряпочкой мокрыя кисти, потомъ уложилъ ихъ въ ящикъ. Тѣни де-

ревьевъ и мольберта съ зонтикомъ протянулись по всему лугу, достигая генеральскаго сада. Порозовѣла трава. Порозовѣли верхушки дружно обнявшихся липъ. Привольная, богатая картина окрылила Петю какимъ-то бодрымъ, радужнымъ настроеніемъ. Чѣмъ-то яснымъ, вливающимъ свѣжую энергію вѣяло отъ пылающей въ небесномъ феерическомъ огнѣ ровной, недвижной Ипути. Юноша выпрямился и обдернулъ парусиновую кадетскую рубашку съ дырочками для прикрѣпленія погонъ у худощавыхъ, еще не сложившихся плечъ...

Все лицо его просіяло. Унылыя мысли стряхнулись прочь... И вся послѣдующая жизнь рисовалась ему такой же заманчивой, прекрасной, какъ этотъ яркій вечеръ, — рисовалась сплошнымъ несмолкающимъ веселымъ пиромъ. Петя смѣялся теперь въ душѣ надъ всѣми сомнѣніями, что́ за минуту волновали его. Такимъ сильнымъ и дерзкимъ почувствовалъ онъ себя. Весь смыслъ его существованія— въ искусствѣ; и онъ пойдетъ этой дорогой свободно и гордо. И никто не остановитъ его, никто не помѣшаетъ. Не посмѣетъ!

—Гопъ, гопъ! рявкнулъ издалека чей-то сиплый голосъ.

Петя вздрогнулъ. У калитки выросла фигура стараго генеральскаго денщика Худонѣева.

—Гопъ, гопъ, ваше благородіе, Петръ Викторовичъ, пожалуйте чай кушать. Столъ подъ самоваромъ! выкрикивалъ Акимъ Худонѣевъ, и густыя, какъ изъ бочки, слова его раскатисто проносились надъ лугомъ.

Юноша торопливо началъ собирать свои вещи. Мысленно онъ выбранилъ Акима „лѣнивымъ животнымъ“. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы помочь ему унести съ берега весь сложный багажъ художника, Акимъ продолжалъ стоять у калитки.

Отставной денщикъ облѣнился до невозможности. По цѣлымъ днямъ онъ только и дѣлалъ, что спалъ да пьянствовалъ. Генералъ хотя и бранилъ Худонѣева, но питалъ похожее на нѣжность

чувство къ этому крѣпкому семидесятилѣтнему здоровяку съ краснымъ, какъ свекла, широкимъ лицомъ и выцвѣтшими оловянными глазами. Отъ висковъ къ угламъ рта у Худонѣева шли густыя, коротко подстриженныя, побѣлѣвшія баки. Отъ сытой, лѣнивой жизни вѣчно празднаго бездѣльника Худонѣевъ, что называется,—съ жиру бѣсился. Предъ щедро́дававшими на чай, то-есть на водку, гостями, онъ вытягивался, пучилъ глаза и оралъ сиплымъ голосомъ послѣ каждой фразы: „здравія желаю, такъ точно, покорно благодаримъ, ваше высокоблагородіе“.—Иногда, валяя дурака, онъ бралъ такія низкія октавы, что любого соборнаго протодьякона привелъ бы въ зависть. Дребезжали стекла, глухое, могучее гудѣніе наполняло весь домъ, а генералъ приходилъ въ умилительный восторгъ.

—Ай да Худонѣевъ,—молодчина! По-нашему, по-улански, чортъ возьми! Хочешь водки, Акимъ?

—Точно такъ, ваше высокопревосходительство. Велите поднести, ваше высокопревосходительство. Всю, какъ есть, выпилъ бы... Такъ что не люблю ее, проклятую. Худонѣевъ звѣрски выпучивалъ оловянные глаза и вытягивался.

Генералъ сіялъ. Настасья Фоминишна своей неторопливой походкой молча направлялась къ буфетному шкапу.

III.

—Зачѣмъ опаздываешь къ чаю?

—Я работалъ, папаша...

Генералъ подмигнулъ старшему сыну.

—Онъ „работалъ“, какъ это тебѣ нравится? Надъ чѣмъ же ты работалъ? притворяясь непонимающимъ, спросилъ генералъ смущенно обдергивавшаго рубашку Петю: — дрова рубилъ, сѣно косилъ, гряды пололъ?

—Я писалъ этюдъ...

—Вотъ онъ какой у насъ. Этюды пишетъ. Этюдъ, эскизъ, прокисъ. И Викторъ Дмитріевичъ усмѣхнулся

собственному остроумію. — Садись, пей чай, добавилъ онъ болѣе милостиво.

Громадная продолговатая столовая тянулась во всю ширину дома, раздѣляя его пополамъ. Одна стѣна примыкала къ парадному крыльцу, другая выходила окнами въ садъ. Несмотря на обиліе мебели, комната производила впечатлѣніе пустынной, неуютной. Тяжелые деревянные стулья съ высокими прямыми спинками чопорно вытянулись у оклеенныхъ темными обоями стѣнъ. Два портрета въ золоченыхъ рамахъ, на которыхъ бликами догоралъ закатъ, изображали генерала и покойную генеральшу въ молодости. Видимо, художникъ подчинялся требованію моделей. Генеральша, одѣтая и причесанная по модѣ сороковыхъ годовъ, съ обнаженными плечами и грудью, сентиментально нюхала розу, которую держала въ бѣлой идеализированной ручкѣ. Красивымъ, суховатымъ, колючимъ чертамъ лица вовсе не шло сообщенное художникомъ небесно-ангельское выраженіе. Всякій разъ, глядя на этотъ портретъ, Настасья Фоминишна вспоминала, какъ въ присутствіи генеральши сѣкли пойманныхъ „съ поличнымъ“ ребятишекъ. Что же касается Виктора Дмитріевича, — затянутый въ щегольской мундиръ, онъ олицетворялъ мужество, энергію и силу. Гордый, байроновскій поворотъ головы, выступавшей изъ краснаго воротника, надменный взглядъ, колесомъ грудь...

На концѣ большого, покрытаго бѣлой скатертью стола, гдѣ разливала чай Настасья Фоминишна, кипѣлъ массивный самоваръ красной мѣди. Алексѣй Викторовичъ, уничтожая въ ужасающемъ количествѣ ломти бѣлаго домашняго хлѣба, намазаннаго обильно масломъ, обнаруживалъ чудеснѣйшій аппетитъ. Онъ пилъ стаканъ за стаканомъ, бултыхая въ чай жирныя густыя сливки. Генералъ курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, который касался пола. Подъ бѣлымъ разстегнутымъ кителемъ безъ погонъ вышитая малороссійская рубаха охватывала плотно коричневую жилистую шею. Викторъ Дмит-

ріевичъ прихлебывалъ чай, наполовину разбавленный ромомъ.

Ромъ, выпитый Викторомъ Дмитріевичемъ въ достаточномъ количествѣ, размягчалъ иногда жестковатую генеральскую душу. Тимашевскій впадалъ въ сентиментальность.

И сейчасъ онъ разчувствовался и положилъ руку на плечо Алексѣя.

—Вотъ единственная опора моей одинокой больной старости (генералъ отличался феноменальнымъ для своего возраста здоровьемъ). — Я горжусь тобой, сынокъ. Да, горжусь, вызывающе повторилъ Викторъ Дмитріевичъ, словно ему возражали. — Ты, Алеша, никогда не противорѣчилъ мнѣ. Это рѣдкое качество въ нынѣшнихъ дѣтяхъ... Теперь, когда все пошло шиворотъ-на-выворотъ. Дурацкое время. Пѣшкомъ подъ столъ ходятъ, — выразительный взглядъ на Петю, — а туда же либеральничать. Драть надо! Но не могу — слабъ, не могу. Бѣда моя въ томъ, что я слишкомъ добръ. Сто разъ повторю: — Алеша моя гордость, украшеніе моей больной старости...

Онъ пошевелилъ зеленовато-сѣдыми усами и, крѣпче нажимая рукой плечо своего любимца, у котораго было напряженно-глупое лицо, продолжалъ не безъ торжественности:

—Ты никогда не огорчалъ меня, Алексѣй. Я никогда не замѣчалъ у тебя никакихъ сумасбродныхъ склонностей. Ты не стремился въ художники... Что есть художникъ? Петръ, отвѣчай отцу: что есть художникъ?

Весь красный, затаивъ оскорбленіе, Петя молчалъ и, не поднимая головы, судорожно мялъ между пальцами кусочекъ булки.

—Что есть художникъ? повторилъ Викторъ Дмитріевичъ и стукнулъ трубкой.

Молчаніе.

Генералъ еще разъ стукнулъ чубукомъ и сказалъ гнѣвно:

—Ты — негодяй! Упырь! На вопросы старшихъ, а тѣмъ паче родителей надо... что дѣлать, Алеша?

—Ну, я думаю, отвѣчать надо, угодливо подхватилъ корнетъ.

—Совершенно вѣрно. Упырь онѣмѣлъ, не хочетъ говорить, такъ скажу я... Художникъ — вотъ...

Тимашевскій указалъ презрительнымъ кивкомъ на свой и покойной генеральши портреты.

—Кто рисовалъ ихъ? Нашъ бесаговскій крѣпостной Игнатъ Перепеличка. Да-съ. Академію кончилъ, за границу хотѣли послать, но я воспротивился. Стопъ! Всякому мужлану за границу — жирно будетъ! Ступай назадъ, къ своимъ законнымъ господамъ. Такъ-то лучше. Запилъ, съ горя, или съ какого тамъ чорта, не знаю. Я — драть, какъ сидорову козу драть. Потомъ у барона Гоппенбаха на повара Ильюшку вымѣнялъ... Тамъ онъ и повѣсился — пьянчуга несчастный. Вотъ что такое — художникъ! И послѣ этого мой сынъ... сынъ Тимашевскаго...

Но продолжать генералу не пришлось. Петя не выдержалъ и громко разрыдался. Слишкомъ натянутыя струны лопнули. Перепуганная Настасья Фоминишна забыла свой обычный, внушаемый генераломъ страхъ и, готовая расплакаться сама, кинулась утѣшать потрясаемаго истерическими рыданіями Петю.

IV.

Прошелъ мѣсяцъ.

Была ранняя осень. Холодноватый воздухъ становился прозрачнымъ. Вода Ипути цѣпенѣла подъ его свѣжимъ дыханіемъ и все ровнѣй, зеркальнѣй, неподвижнѣй глядѣла съ каждымъ днемъ ея поверхность. Въ застывшей рѣкѣ, вмѣсто горячихъ, причудливыхъ красокъ лѣтнихъ небесъ, отражались холодныя, зловѣщія, пылающія, однотонныя пожарища кровавыхъ сентябрьскихъ закатовъ. Исчезла блещущая жизнерадостность природы, уступивъ болѣе спокойному, тихому, меланхолическому увя-

16653

данію. Что-то недоговоренное, какая-то тихая, тихая грусть рѣяла въ прозрачномъ воздухѣ. Появилась предательская сѣдина въ густоволосой шапкѣ обнявшихся лицъ. Яснѣе вырисовывалась зубчатая синева дальнихъ лѣсовъ, яснѣй обозначались стройные контуры княжеской башни. Каждый звукъ—щелканье пастушеской „пуги", перекликающіеся голоса на лугу, удары веселъ, — все это пріобрѣтало какую-то звонкую, странную отчетливость...

Вмѣстѣ съ природой грустилъ и Петя. Мечты объ академіи не давали ему покоя. А съ каждымъ уходящимъ днемъ все ближе и ближе срокъ пріема. Юноша собирался съ духомъ, горячо молился, чтобъ послалъ ему Богъ силу и твердость... Не за горами время, когда испортится погода, хлынутъ безконечные дожди, сырая туманная мгла заполнитъ и воздухъ и небо, — и жизнь въ Бесагахъ станетъ прямо невыносимой.

Алексѣй Викторовичъ уѣхалъ въ полкъ недѣли двѣ назадъ.

И въ мечтахъ, и даже во снѣ грезился юношѣ далекій Петербургъ, грезилась академія. Онъ не представлялъ себѣ ясно... Въ какихъ-то обаятельныхъ полутонахъ, загадочныхъ, манящихъ утопало все. И тѣмъ неотразимѣй, сильнѣй влекло Петю въ этотъ большой сѣверный городъ съ его музеями, Эрмитажемъ, академическими студіями, гдѣ молодежь учится подъ руководствомъ старыхъ профессоровъ, опытныхъ и мудрыхъ, какъ олимпійскіе боги.

Всѣми помыслами ушедшій въ свое будущее, Петя изнервничался, похудѣлъ. Настоящее не существовало для него. Вѣрнѣе, существовало, какъ что-то нехорошее, скверное, томительно-скучное. Съ величайшимъ наслажденіемъ заснулъ бы онъ долгимъ, долгимъ сномъ, чтобы вычеркнуть эти безконечные дни мучительнаго ожиданія и пробудиться только въ моментъ желаннаго отъѣзда. Но даже обычный реальный сонъ бѣжалъ отъ ши-

роко раскрытыхъ, несмыкающихся глазъ юноши, который смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ то во мракъ осенней ночи, то въ блѣдныя бѣлесоватыя сумерки медленно надвигающагося мертвеннаго разсвѣта. Мерещились длинные, темные академическіе коридоры, о которыхъ разсказывалъ ему Иволгинъ. Слышались чьи-то шаги по твердымъ каменнымъ плитамъ... Неустанно работавшее воображеніе создавало туманные образы будущихъ товарищей, профессоровъ.

Однажды Петя нерѣшительно остановился у закрытыхъ дверей генеральскаго кабинета. Сердце его забилось. Какъ быть? Необходимо же рѣшить этотъ вопросъ окончательно. Черезъ недѣлю срокъ подавать прошеніе. Что жъ, папаша, кажется, былъ въ духѣ. Даже безъ обычной суровости взглянулъ на сына за чаемъ. И Настасья Фоминишна совѣтуетъ поговорить, не откладывая въ долгій ящикъ.

„Будь что будетъ!“ рѣшилъ Петя, осторожно пріотворяя дверь.

Генералъ сидѣлъ у письменнаго стола и перелистывалъ календарь — чуть ли не единственную книгу, украшавшую генеральскій кабинетъ. Надъ широкимъ клеенчатымъ диваномъ пестрѣлъ турецкій коверъ, густо увѣшанный всевозможнымъ оружіемъ. Тамъ были и ятаганы, и старинные мукеты съ короткими прикладами, отдѣланными перламутровыми инкрустаціями, и пистолеты, и сабли — висѣвшія крестъ-на-крестъ. Въ большомъ шкафу хранились мундиры Виктора Дмитріевича. Весь кабинетъ пропитался сильнымъ неискоренимымъ табачнымъ запахомъ. Пропиталась каждая вещь. Бѣлыя занавѣски оконъ пожелтѣли, закоптились, обкуриваемыя безпрестанно густымъ дымомъ.

Генералъ, дѣйствительно, былъ настроенъ довольно благодушно, что случалось далеко не часто. Изъ-подъ зеленовато-сѣдыхъ усовъ вылетали веселые, бодрые звуки кавалерійскаго марша. Одна рука медленно перелистывала страницы „мѣсяцеслова“, другая выбивала по столу частую дробь,

въ тактъ бравурнаго марша. Чубукъ покоился на локтевомъ сгибѣ, касаясь потемнѣвшимъ, обкуреннымъ янтаремъ заросшаго пучками сѣдыхъ волосъ генеральскаго уха. Викторъ Дмитріевичъ напѣвалъ:

—Всѣ мы, ребята, дружно живемъ,
Братъ какъ за брата дружно помремъ.
Нужно — такъ хватски врубимся въ строй.
Нужно — такъ выпьемъ изъ круговой...

Тихо скрипнула дверь. Викторъ Дмитріевичъ нахмурилъ брови. Если бъ прямо и смѣло вошли въ кабинетъ, — брови остались бы неподвижными. Но — входятъ робко, нерѣшительно, значитъ — боятся. А разъ такъ, — надо, чтобы продолжали бояться. Пріятно внушать страхъ. Викторъ Дмитріевичъ окликнулъ сурово:

—Кого тамъ еще чортъ носитъ?

—Это я, папаша....

Генералъ рѣзко повернулся въ креслѣ и уставился на Петю.

—Поди сюда. Что скажешь? Съ глупостями какими-нибудь?

Петя приблизился и, не глядя на отца, теребя пальцами край парусиновой рубашки, тихо, съ усиліемъ вымолвилъ:

—Я хотѣлъ бы поговорить съ вами, папаша... Серіозно поговорить...

Генералъ округлилъ глаза и приподнялъ брови.

—Серіозно. Ахъ ты... И откуда у него слова такія берутся. Скажите пожалуйста... Серіозно поговорить... Ну, слушаю тебя, говори серіозно, насмѣшливо улыбнулся Викторъ Дмитріевичъ.

Петя покраснѣлъ густо, горячо. „Сейчасъ или никогда“.

—Папаша, надняхъ я рѣшилъ ѣхать....

—Мы серіозно говоримъ и рѣшаемъ? Недурно! Куда же ты рѣшилъ ѣхать, сыночекъ мой родненькій, смѣю полюбопытствовать?

—Въ Петербургъ... Въ академію...

Генералъ привскочилъ. Насмѣшливое выраженіе лица вдругъ смѣнилось гнѣвнымъ.

—Такъ вотъ оно что! Я думалъ — ты фантазируешь, дурака валяешь. А ты... Да какъ ты смѣешь! Мальчишка! Зарѣзать хочешь отца, опозорить его сѣдую голову!...

—Намъ съ вами не сговориться, папаша. Для васъ—позоръ, для меня искусство—самое высшее, самое прекрасное на свѣтѣ...

Генералъ ударилъ чубукомъ по столу.

—Молчать! Какъ смѣешь разговаривать? Не желаю и — баста! Выдрать велю. Прикажу Худонѣеву и выдеретъ... какъ сидорову козу. До новыхъ вѣниковъ не забудешь!..

Юноша задрожалъ весь. Поднялъ засверкавшіе волей глаза.

—Только попробуетъ. Я такого натворю... Я себѣ голову размозжу.

—Туда и дорога. Одной дурацкой глупой головой на свѣтѣ меньше...

—Я такъ и зналъ. Вы меня не любите! Богъ вамъ судья, папаша! Только я жду послѣдняго слова.

Генералъ стремительно всталъ; отъ злости его трясло. Чубукъ въ жилистой костлявой рукѣ ходилъ ходуномъ.

—Вотъ тебѣ мое послѣднее слово! Или ступай въ полкъ и будешь получать отъ меня наравнѣ съ Алешей, или проваливай на всѣ четыре стороны въ свою академію. Только помощи отъ меня не жди. Будешь съ голоду пухнуть—рубля не вышлю. Отрекусь! Выбирай! съ какимъ-то страннымъ визгомъ вырвалось у генерала, и онъ затопалъ ногами.

—Уйду! Ничего мнѣ вашего не надо. Ничего! И за помощью не обращусь никогда. Умирать буду—не обращусь.

Лицо Виктора Дмитріевича перекосилось. Челюсти задрожали.

—Вонъ! Мерзавецъ! Съ глазъ долой! Волченокъ... Проклинаю!...

И не успѣлъ Петя повернуться, какъ охвачен-

ный бѣшенствомъ генералъ размахнулся изо всѣхъ силъ и ударилъ его чубукомъ по плечу.

—Вонъ!...

Съ помертвѣвшимъ лицомъ, шатаясь, оставилъ кабинетъ Петя. Внутри у него замерло, все оборвалось, остановилось...

V.

Уныніе воцарилось въ домѣ.

Генералъ „засѣлъ“ въ кабинетѣ безвыходно и съ какой-то мрачной свирѣпостью курилъ трубку за трубкой, утопая въ густыхъ облакахъ ѣдкаго дыма. Туда носили ему и чай, и обѣдъ, и ужинъ. Викторъ Дмитріевичъ упрямо не желалъ встрѣчаться съ непокорнымъ сыномъ, не желалъ видѣть его. Настасья Фоминишна, печальная, сосредоточенная, ходила на ципочкахъ. Ей было жаль юношу, помочь которому она не могла при всемъ желаніи. Глаза Пети не высыхали отъ слезъ, но рѣшимость не покидала его ни на минуту. Молча садились они вдвоемъ за столъ и молча поднимались. Похоронное, гнетущее настроеніе отбивало всякій аппетитъ.

Такъ продолжалось три дня—томительныхъ, безконечныхъ. Наконецъ генералъ потребовалъ къ себѣ черезъ Акима Худонѣева Настасью Фоминишну. У нѣмыхъ, плотно закрытыхъ дверей молодая женщина перекрестилась и смѣло потянула ручку. Она слишкомъ хорошо знала генеральскій нравъ, чтобъ стучаться къ нему нерѣшительно и робко.

Оставалась Настасья Фоминишна въ кабинетѣ не долго. Черезъ двѣ-три минуты она вышла оттуда съ дрожащими губами. По лицу пробѣгала судорога.

Викторъ Дмитріевичъ уполномочилъ ее передать сыну необходимыя для жительства въ Петербургѣ и поступленія въ академію бумаги, а также двадцать пять рублей—на дорогу.

Принимая изъ рукъ генерала четвертной билетъ, Настасья Фоминишна пришла въ ужасъ:

—Викторъ Дмитріевичъ, баринъ, да на эти деньги впору развѣ доѣхать. А какъ же тамъ онъ будетъ? Чужой городъ, чужіе люди. Пожалѣйте! Пропадетъ вѣдь...

—А мнѣ какое дѣло? возразилъ генералъ раздражаясь.—Я его не посылаю туда, самъ захотѣлъ. А разъ осмѣлился щенокъ противъ отцовской воли—нахлебайся горя. Да-съ. Я государю моему генералъ-лейтенантъ... Глупостей совѣтовать не стану. Вотъ наголодается всласть, тогда прибѣжитъ босой да рваный прощенія просить. На четвереньках приползетъ. Можетъ-быть, и прощу дурака. Блудный сынъ. Зеленъ, глупъ мальчишка!

—Добавьте хоть что-нибудь еще—на первое обзаведеніе! съ несвойственной ей твердостью настаивала молодая женщина.

— Ни! Мое слово твердо. Не торгуйся,—мы не на базарѣ. Ступай, ступай! И генералъ прямо въ физіономію Настасьѣ Фоминишнѣ пустилъ клубъ крѣпкаго дыма.

Петя сталъ собираться въ отлетъ изъ родного и вмѣстѣ чуждаго ему гнѣзда. Какая громадная разница—внѣшняя и духовная между его отъѣздомъ и отъѣздомъ Алексѣя Викторовича. Когда провожали гусара, сверкалъ ясный солнечный день; генералъ возбужденно и заботливо суетился; Худонѣевъ звѣрски оралъ на кучера, еле сдерживавшаго запряженный въ просторный фаэтонъ четверикъ лоснящихся гнѣдыхъ. Подвыпившій во время обильнаго завтрака виновникъ торжества ухмылялся, молодецки выпячивая грудь, и крутилъ усы, чувствуя себя героемъ.

Теперь—совсѣмъ другая картина. Сѣренькій, тусклый день бозотрадно слезился моросящимъ мелкимъ дождемъ. Генералъ такъ и не вышелъ къ блудному сыну, продолжая держать себя въ добровольномъ плѣну средь облаковъ табачнаго дыма. Вмѣсто фаэтона—тряская бричка, на кото-

рой обыкновенно ѣздили въ городъ за почтой. Вмѣсто гнѣдого четверика въ щегольской наборной упряжи—пара простыхъ рабочихъ коней. Генералъ отличался неумолимой послѣдовательностью.

—Ина слава гусару, ина слава художнику, пояснилъ онъ Акиму, отдавая съ вечера приказаніе насчетъ лошадей для Пети.

Настасья Фоминишна покормила юнаго путника въ послѣдній разъ, снабдила его торбочками со всякой снѣдью и, накинувъ на голову платокъ, усадила Петю въ бричку. Отъ дождя предохранялъ его тотъ самый гигантскій парусиновый зонтикъ, подъ которымъ онъ писалъ этюды на берегу Ипути. Въ кошелькѣ Пети, рядомъ съ отцовскими двадцатью пятью рублями, лежали три червонца, которые дала ему изъ своихъ сбереженій Настасья Фоминишна.

—Съ Богомъ...

Наймитъ Терешко зачмокалъ, задергалъ веревочными возжами. Локти неумѣющихъ править рукъ смѣшно и неуклюже растопырились. Бричка покатилась. У воротъ Петя оглянулся. Настасья Фоминишна кивала ему.

Ему вдругъ стало жутко, боязно. Корабли сожжены. Начинается новая жизнь, совершенно другая... И эта новая жизнь, несмотря на всю ея неизвѣданную манящую прелесть, встала передъ юношей чѣмъ-то подавляющимъ, холоднымъ, страшнымъ. Словно какое-то чудовищное непроницаемое облако надвинулось вдругъ на него, захватило... Убѣжала назадъ сѣрая, однотонная деревенская улица съ чахлыми вербами. Высоко поднявъ сподницы и „подтыкавшись“, переходили ее бабы и дѣвки, чмокая въ невылазной грязи босыми ногами. Завидѣвъ бричку, онѣ останавливались и, съ неуклюжей торопливостью, кланялись паничу. Къ заплаканнымъ оконцамъ мокрыхъ бревенчатыхъ хатъ приникали чьи-то головы—бѣловолосыя, бородатыя и старушечьи. Проѣзжающая черезъ село

бричка—событіе для этихъ сѣрыхъ, убогихъ людей. Чужими, далекими и жалкими казались они Петѣ. Онъ пріѣдетъ въ Петербургъ, сдѣлается художникомъ, окунется въ интересную духовнымъ богатствомъ жизнь, въ непрерывную смѣну пестрыхъ впечатлѣній,—а эти бѣдные, темные люди все такъ же будутъ прозябать въ своихъ неприглядныхъ хаткахъ, и все такъ же каждая бричка будетъ событіемъ, въ ихъ безпросвѣтно-будничномъ, животномъ существованіи.

Вторыя сутки въ дорогѣ Петя Тимашевскій. Изнываетъ онъ отъ нетерпѣнія. Все мнится ему, что поѣздъ плетется шагомъ. Безконечнымъ кажется путь до Петербурга. Вагонъ третьяго класса биткомъ набитъ. Вытянуться на лавкѣ, полежать, заснуть нечего и думать. Сидѣть едва хватаетъ мѣста. Да еслибъ и цѣлый вагонъ пустовалъ—не заснулъ бы Петя. Слишкомъ перегорѣло много въ немъ за послѣднее время, растрепались нервы, и слишкомъ сильно желаніе увидѣть поскорѣй академію, Васильевскій Островъ. Иногда усталость порабощала молодой организмъ, и Петя засыпалъ. Но ненадолго. Это была скорѣе какая-то тревожная, чуткая дрема. Все, малѣйшій звукъ, чирканье спички, шорохъ развертываемой бумаги, вспугивало его. Петя широко раскрывалъ глаза, озирался... И въ первое мгновеніе грезилось ему, что онъ не ѣдетъ въ Петербургъ, что это сонъ. Неужели такое громадное счастье осуществляется,—быть не можетъ. Но тотчасъ же онъ убѣждался въ реальности факта, и радость, искрящаяся, необъятная, горячей волной наполняла вдругъ душу.

И на все окружающее смотрѣлъ онъ съ любовью и лаской: на мутный осенній день, отъ котораго убѣгалъ и не могъ убѣжать поѣздъ, на сосѣдей-евреевъ, безцеремонно толкавшихъ его, и на мужиковъ съ ихъ удушливо дымящими „люльками“.

Колеса выстукивали свою мѣрную, убаюкивающую музыку. Красныя отъ безсонницы и отъ ѣдкой махорки вѣки Тимашевскаго смыкались

вновь... Временами онъ думалъ, что важно, интересно и дорого лишь то, зачѣмъ онъ ѣдетъ. Всѣ же остальные пассажиры ѣдутъ съ пустой, ничтожной и скучной цѣлью. И Петя жалѣлъ ихъ. Самое лучшее—цвѣтъ и краса жизни—искусство не существуетъ для нихъ. Какъ же въ такомъ случаѣ не жалѣть этихъ людей, прозаическихъ, тусклыхъ...

Онъ всячески старался вовлечь своихъ ближайшихъ спутниковъ въ разговоръ объ искусствѣ. Съ однимъ начиналъ объ иконахъ, съ другимъ о лубочныхъ картинкахъ, надѣясь, по мѣрѣ освѣдомленности собесѣдника, подниматься все выше и выше. Но результаты были плачевные. Нѣкоторые отмалчивались, крякали, кивали головами, въ то время, какъ лица выражали полнѣйшее тупое равнодушіе. Другіе же такъ „поддерживали“ бесѣду, что раздосадованный Петя самъ спѣшилъ избрать болѣе безобидную тему. Въ головѣ шевелились слова въ родѣ: „невѣжество, глупость, толстокожесть“, но юноша вспоминалъ отца, генерала, богатаго помѣщика, и переставалъ мысленно браниться. Если тотъ не понимаетъ, не интересуется—этимъ и Богъ велѣлъ... Эти хоть не презираютъ...

На большой станціи, часахъ въ десяти отъ Петербурга, съ шумомъ распахнулась дверь вагона и, сопровождаемый нагруженнымъ носильщикомъ, не безъ важности вошелъ приземистый господинъ среднихъ лѣтъ. Небрежно скользнувъ глазами по невзрачной публикѣ, онъ болѣе благосклонно посмотрѣлъ на Петю, породистаго, прилично одѣтаго юношу, и сѣлъ рядомъ съ нимъ.

—Уффъ! отдышался онъ, поясняя:—спѣшилъ, думалъ—опоздаю...

Пробилъ третій звонокъ. Поѣздъ, словно послѣ нѣкотораго раздумья, вздрогнулъ, снова подумалъ минутку и медленно тронулся.

—Такъ и есть! Чуть-чуть не опоздалъ...

—Чуть-чуть не считается, искательно улыбаясь,

замѣтилъ какой-то остриженный въ скобку бородачъ въ суконномъ картузѣ и длинномъ пальто.

Приземистый господинъ строго взглянулъ на него и ничего не отвѣтилъ. Тимашевскій не могъ сдержать своего любопытства; онъ густо покраснѣлъ, смутился, но все же обратился къ нему:

—Простите, пожалуйста, нескромный вопросъ... Вы—художникъ?

Коричневая плюшевая шляпа и длинные волосы упитаннаго пассажира вызвали этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, во внѣшности его сочеталось что-то купеческое съ артистическимъ. Разумѣется, первый элементъ юноша проглядѣлъ, охваченный слѣпымъ эгоизмомъ влюбленнаго.

—Да, художникъ, а что? — И сосѣдъ повернулся къ Петѣ всей своей плотной фигурой. Онъ, видимо, былъ не прочь побесѣдовать съ юношей.

Тимашевскій быстро заговорилъ, краснѣя, смущаясь, путаясь... Онъ такъ радъ... Онъ „страшно“ любитъ живопись, интересуется художниками, самъ „немножко мажетъ“, и вотъ ѣдетъ сейчасъ въ академію. Экзаменъ не трудный—нарисовать гипсовую голову—надѣется выдержать.

—А на какія средства разсчитываете для жизни въ Петербургѣ и для возможности безпрепятственно учиться художеству?

— Какія средства? не вдругъ сообразилъ Петя, совершенно не ожидавшій этого.

—Ну да. Средства. Не акридами же, въ самомъ дѣлѣ, питаться. Петербургъ не Палестина. Потомъ же и комната. Каковъ бюджетъ вашъ, или, другими словами, сколько вы разсчитываете проживать въ мѣсяцъ?

Петя замялся.

—Видите ли... Я противъ желанія отца. Онъ отказалъ мнѣ въ помощи. Но это ничего. Я буду зарабатывать... Уроки... Что-нибудь въ этомъ родѣ... Я надѣюсь, проживу какъ-нибудь. Отчего же. Вѣдь можно, правда? Голосъ его дрогнулъ.

—Совсѣмъ не правда, отрѣзалъ художникъ.—

Я, конечно, не знаю вашихъ способностей. Почемъ знать, можетъ-быть, вы геній. Но люди даже и съ большимъ дарованіемъ погибали. Съ такимъ городомъ, какъ Питеръ, шутить нельзя. Меня вотъ иконы выручили... Вы писать иконъ не умѣете?

—Нѣтъ.

—То-то и оно. Возьмите въ примѣръ меня. Я кончилъ академію, имѣю званіе класснаго художника, но... картины не продавались. Тогда я плюнулъ на чистое искусство. Шубы съ него не сошьешь. Бѣдствовалъ одно время. А теперь—блаженствую. А почему? Поставилъ надъ картинами крестъ и занимаюсь религіозною живописью,—дѣло хлѣбное. Въ Орлѣ иконописную мастерскую имѣю,—десять учениковъ работаютъ... Такъ-то-съ.

Голосомъ, въ которомъ слышались слезы обиды, Петя возразилъ:

—Простите... я не вполнѣ согласенъ съ вами... Мнѣ кажется, борьба съ жизнью пріятна... Скучно, когда все идетъ, какъ по маслу.

—Эхъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ. Собесѣдникъ покачалъ волосатой головой.—Мало вы каши ѣли... Если мы, тертые колачи, отступали и не могли бороться, то куда же вамъ, барченку... Поэзію какую-то выдумали! Въ чемъ она? Развѣ въ томъ, что будутъ гонять васъ за неплатежъ квартирныя хозяйки, да будете вы сами рыскать по Петербургу, отыскивая грошовыя заказы. Помогай вамъ Богъ, конечно. Но коли меня спросите, вотъ вамъ совѣтъ:—возвращайтесь къ папашѣ, покайтесь хорошенько и ступайте въ кавалергарды...

Тимашевскій хотѣлъ отвѣчать, протестовать, негодовать—и не могъ. Онъ боялся наговорить дерзостей этому человѣку, котораго успѣлъ уже возненавидѣть.... „Какъ онъ смѣетъ давать подобные совѣты.... А еще—художникъ... Онъ, Петя, сколько передумалъ, перестрадалъ, прежде чѣмъ рѣшиться, а этотъ—въ кавалергарды...

VI.

Искрящееся, жизнерадостное настроеніе отлетало отъ Пети. Петербургъ совсѣмъ близко, не за горами, а когда-то мерещился призрачнымъ, почти легендарнымъ и сулилъ заманчивыя перспективы. Теперь — на горизонтѣ, сквозь мутную дымку, неясными силуэтами обозначалась линія фабричныхъ трубъ. Этотъ реальный, близкій и вмѣстѣ невѣдомый громадный городъ внушалъ Тимашевскому чувство, похожее на страхъ. Какъ въ лѣсу дремучемъ очутился онъ. Никого не знаетъ. Хоть бы одна живая душа.

Волосатый незнакомецъ вышелъ еще въ Лугѣ. Пассажиры, немытые, нечесанные, зѣвали, крестили рты, собирали вещи. Долгіе, откровенные разговоры смѣнились отрывистыми, сухими фразами.

Поѣздъ очутился подъ стеклянной галлереей варшавскаго вокзала и остановился. Толпа носильщиковъ стремительно ворвалась въ вагонъ,.. Пассажиры, толкая другъ друга, хлынули на платформу.

Петѣ пришли на память совѣты людей практичныхъ — оставить багажъ на вокзалѣ, самому же съѣздить въ городъ, — нанять комнату и тогда перевезти вещи. Устраняется излишній расходъ на гостиницу. Петя такъ и сдѣлалъ. Онъ еще въ Бесагахъ мечталъ, что будетъ жить на Васильевскомъ Островѣ. Онъ сторговалъ за полтинникъ извозчика. Ничего не подѣлаешь. Первые дни — всегда значительно дороже.

Такъ вотъ онъ, хваленый Петербургъ. По сторонамъ прямыхъ улицъ высились шестиэтажные гиганты.

Извозчичья пролетка, хрипло дребезжа, увозила Петю на Островъ. Юноша съ любопытствомъ озирался, но подавленности особенной не чувствовалъ. Крещатикъ кіевскій ничѣмъ не хуже, даже лучше, пожалуй. Правда, Невскій, Большая Морская и другія первоклассныя улицы были въ сторонѣ. Знакомство же Тимашевскаго съ Петербургомъ пока

ограничивалось проспектами Измайловскимъ и Вознесенскимъ. Дождь пересталъ, но висѣлъ въ воздухѣ и могъ пойти ежеминутно. Слишкомъ низко нависли грязно-дымчатыя шевелящіяся облака. На Вознесенскомъ—уличная толпа гуще. Солдаты, офицеры въ кэпи, съ гремящими саблями, молодые люди въ широкополыхъ шляпахъ и пледахъ, торговки съ лотками, женщины въ узкихъ платьяхъ и бѣлыхъ воротничкахъ, сообщавшихъ имъ моложавый видъ. Открылась Николаевская площадь. Петя увидѣлъ насупившійся, почти весь въ лѣсахъ, но величавый, грандіозный и гармоничный Исаакіевскій соборъ и сразу проникся къ Петербургу уваженіемъ. Памятникъ Петра Великаго укрѣпилъ это чувство. Тимашевскій попросилъ извозчика пріостановиться на минуту, залюбовавшись полнымъ движенія и мощи силуэтомъ „Мѣднаго всадника“, его упругими, отовсюду красивыми контурами.

—Это — памятникъ! восторженно вырвалось у юноши.

—Оно точно, фигура аховая. И конь — солидственный, какъ слѣдоваетъ быть, согласился лохматый извозчикъ, дергая возжами.

Широкая мутная Нева. Ей словно тѣсно въ гранитныхъ берегахъ. Вотъ-вотъ подымется до краевъ, хлынетъ, разольется... Но Петя не смотрѣлъ на нее. Другое овладѣло его вниманіемъ. Далеко, на томъ берегу—широкое, приземистое зданіе съ колоннами и приплюснутымъ куполомъ. Легкій туманъ чуть скрадываетъ прямолинейные контуры. Тимашевскій угадалъ, узналъ его по видѣннымъ снимкамъ. Сердце забилось... „Академія, академія“, шептали его губы и лицо зарумянилось отъ волненія и счастья.

По мѣрѣ приближенія къ Николаевскому мосту все яснѣй и яснѣй обрисовывалась академія, вырастая во что-то колоссальное. Петя не отрывалъ отъ нея жаднаго, благоговѣйно горящаго взора. Что-

то, похожее на священный трепетъ, сковало все его существо...

Дрожки уже на выгнутой спинѣ желѣзнаго Николаевскаго моста, уже шагахъ въ двухстахъ отъ академіи. Извозчикъ остановилъ свою клячу. Тимашевскому было безразлично, гдѣ бы ни слѣзть. Все равно, онъ не зналъ мѣстности. Комнату придется искать наудачу. Сильно хотѣлось ему сейчасъ же проникнуть за массивныя таинственныя стѣны, но удержался. Прежде—комнату. Пощупалъ черезъ пальто боковой карманъ — тамъ ли бумаги. Тамъ, на мѣстѣ. Заплатилъ извозчику и медленно двинулся по Пятой линіи, слѣдя за билетиками у воротъ и подъѣздовъ. Тамъ и сямъ, то грамотно и четко, то безграмотно и каракулями выставлены цѣны. На какой остановиться? Десятирублевая комната слишкомъ дорога, а за шесть рублей дадутъ конурку, темную, крохотную, гдѣ работать будетъ немыслимо. Въ сущности — результатъ одинаковъ. Дороже ли, дешевле сниметъ онъ комнату, его скромный денежный запасъ изсякнетъ одинаково быстро. „Не попытать ли здѣсь счастья?“ и Тимашевскій сдѣлалъ движеніе къ воротамъ небольшого трехъэтажнаго дома.

Выросъ откуда-то здоровенный дворникъ.

—Здѣсь у васъ комната отдается?

—Точно такъ, въ девятнадцатомъ номерѣ! И дворникъ приподнялъ фуражку, убѣдившись, что прилично одѣтый юноша заслуживаетъ этого... — А вы, извините, господинъ, кто такіе будете? полюбопытствовалъ онъ.

—Я... художникъ, отвѣтилъ Петя нерѣшительно. Имѣетъ ли онъ право называть себя такъ? И добавилъ:—будущій художникъ.

Почтительный дворникъ вдругъ сталъ дерзкимъ и грубымъ.

—Художникъ? Не пускаемъ художниковъ!... Въ другомъ мѣстѣ поищи...

—То-есть, какъ это? не понялъ его Тимашевскій.

—А такъ! И даже очень просто... Ледащій на-

родъ—платить не любитъ, затѣмъ и не пущаемъ. Дармоѣды... Хвостомъ прикрылся и былъ таковъ. Што съ него возьмешь, съ обормота? Спинжакъ одинъ, да и тотъ въ краску вымазанъ...

Но Петя не слышалъ послѣднихъ фразъ. Онъ былъ уже далеко. Словно гнались за нимъ. И стыдно, и больно. Какъ смѣютъ, какъ они смѣютъ такъ говорить о художникахъ! И опять юношѣ вспомнился генералъ, и дворникъ пересталъ въ его глазахъ быть виноватымъ.... Темный человѣкъ, онъ безъ разсужденія принимаетъ на вѣру, что внушаютъ ему генералы Тимашевскіе и подобные имъ.

Черезъ нѣсколько домовъ тоже неудача. Петя вошелъ во дворъ и позвонилъ у квартиры, гдѣ отдавалась комната. Отворилъ ему бритый старичекъ въ нанковомъ халатѣ. Не давъ Тимашевскому произнести слова, онъ быстро заговорилъ, уже заранѣе отвѣчая на всѣ вопросы.

—Да, да, у меня комната... Тихо, уютно, спокойно; два окна, два самовара... А вы кто такой будете? Студентъ, художникъ?

—Художникъ.

—До свиданья. Ни тѣмъ, ни другимъ комнаты не сдаю. Невыгодно и хлопотно. Теперь на Островѣ чуть ли не каждую ночь обыски. Благодарю покорно. Я—коллежскій асессоръ... Простите. Имѣю честь кланяться! И бритый чиновникъ въ халатѣ поспѣшно захлопнулъ дверь, оставивъ недоумѣвающаго Петю на площадкѣ.

Съ отчаянія Тимашевскій готовъ былъ заплакать. Хорошо, нечего сказать, встрѣчаетъ его Петербургъ. Юноша рѣшилъ, однако, что падать духомъ еще рано, и продолжалъ свои поиски.. Чистенькій парадный ходъ. Приклеенная къ стеклу дверей четвертушка обѣщаетъ удобную, для художника въ особенности, комнату за девять рублей въ мѣсяцъ. Ногъ подъ собой не слышалъ, вбѣгая по лѣстницѣ, Петя.

—Не занята еще? окликнулъ онъ на бѣгу дворника.

—Кабы занята, бумажку бы сняли, резонно отвѣтилъ ему тотъ снизу.

Обитая клеенкой дверь полуоткрыта. На ней— ученическая аспидная доска съ фамиліями жильцовъ. На сѣрой ниткѣ качается грифель. Видимо, его очень недавно держали въ рукѣ. Петя могъ войти такъ, но позвонилъ... Немного погодя зашаркали мягкія шлепанцы-туфли и Тимашевскій увидѣлъ на порогѣ полную, бодрую, пепельно-сѣдую старуху въ чепцѣ и проволочныхъ очкахъ, сквозь стекла которыхъ съ пытливой мягкостью смотрѣли темные, живые глаза. Она распахнула дверь и посторонилась.

—Войди, голубчикъ, войди. Ты, вѣрно, насчетъ комнаты? Посмотрѣть хочешь?

—Да, мнѣ бы хотѣлось...

—Иди за мной. Покажу... Внизу все занято.

Старуха и юноша миновали коридоръ съ нѣсколькими дверями и по узкой деревянной лѣсенкѣ поднялись вверхъ. Маленькая площадка,—и Тимашевскій очутился въ просторной и свѣтлой, не взирая даже на петербургское осеннее утро, комнатѣ, съ потолкомъ, не горизонтальнымъ, а очень пологимъ къ наружной стѣнѣ, освѣщенной широкимъ большимъ окномъ съ частымъ переплетомъ.

—Да это кладъ для живописца! вырвалось у Пети.

—Истинный кладъ, подтвердила старуха, улыбаясь довольной и доброй улыбкой. — А ты самъ не живописецъ ли?

—Да, начинающій...Хочу поступить въ академію...

—Вотъ и отлично. Я люблю художниковъ. И родилась, и выросла, и состарилась, и помру среди нихъ, вѣрно... Друзьями будемъ... Ты не обижайся, что я тыкаю. Я всѣмъ такъ! Седьмой десятокъ пошелъ. Въ бабки гожусь. Привычка такая. Я и самому Карлу Павловичу Брюллову „ты“ говорила. Не обижался покойникъ, а ужъ на что великій человѣкъ былъ.

Петя сразу проникся уваженіемъ, а также инте-

ресомъ къ почтенной старухѣ. Судьба, кажется, посылаетъ ему кладъ не только въ видѣ комнаты, но и въ лицѣ хозяйки.

На желѣзной кровати пышно вздымался горой, очевидно, свѣже-набитый сѣнникъ. У окна—большой квадратный столъ... Указывая на него, старуха пояснила:

—Здѣсь у меня въ прошломъ году архитекторъ Чугуновъ жилъ. Цѣлыми днями чертилъ, бывало, согнувшись. Труженикъ. Зато и медаль большую золотую получилъ... Теперь за границей пенсіонеромъ. Письма оттуда пишетъ; не забываетъ старуху... Рѣпинъ у меня жилъ, пока не женился. Тоже за границей теперь. Чистякова профессора слышалъ?

—Слышалъ, какъ же...

—Тоже моимъ жильцомъ былъ. И ты старайся медалей нахватать. И тебя пошлютъ за границу... Ну,—это все въ будущемъ. А теперь перейдемъ къ дѣлу, къ настоящему. Девять рублей не дорого тебѣ? Коли дорого, скину рубликъ. Обѣды у меня изъ двухъ блюдъ по двугривенному. Хочешь—обѣдай, хочешь — нѣтъ. Твое дѣло! Жильцы столуются—художники, курсистки—ничего, не бранятъ, слава Богу. Вещи на вокзалѣ оставилъ? Теперь что думаешь?

—Хочу въ академію сходить.

—Сходи, сходи непремѣнно,—сейчасъ же. Боюсь, не пропустилъ ли срокъ. Первымъ дѣломъ — въ канцелярію. Если отвѣтятъ: поздно,—иди къ ректору. Добрѣйшей души человѣкъ, даромъ что нѣмецъ, Обермиллеръ... Погромче съ нимъ, — глуховатъ. Скажетъ: покажите ваши работы. Коли понравятся ему,—допуститъ къ экзамену, не посмотритъ, что съ прошеніемъ опоздалъ. Дай-ка мнѣ квитанцію,—времени попусту не терять. Я на вокзалъ Аннушку снаряжу, она и привезетъ вещи, а ты тѣмъ часомъ—маршъ въ академію. Нечего денегъ совать: найдется еще на извозчика,— потомъ сочтемся. Бѣги, бѣги, времени не теряй понапрасну...

Петя былъ смущенъ, растроганъ умной добро-

той старой женщины. Такого заботливаго вниманія, такого участія никто изъ чужихъ людей никогда не проявлялъ къ нему. Даже свои, близкіе, и тѣ не очень-то баловали... Въ первый разъ видитъ... И кто же? Хозяйка меблированныхъ комнатъ. Петя не зналъ, какъ благодарить ее.

—Нѐ за что, нѐ за что! полушутливо, полусеріозно отмахивалась Дарья Семеновна.

Тимашевскій побѣжалъ въ академію, окрыленный, радостный, сіяющій. Васильевскій Островъ ужъ не казался ему такимъ враждебнымъ и чуждымъ, какъ вначалѣ.

Не безъ усилій открылъ онъ тяжелую исполинскую дверь. Обширный вестибюль. Все солидно, строго, все монументально. Ровный каменный полъ. Гулко раздается каждый шагъ подъ высокими сводами, въ неясную потемчатую глубь которыхъ стройно и твердо уходятъ мраморныя колонны. Широкія лѣстницы двумя спиральными крылами ведутъ куда-то... Внизу—межъ ними—подобіе коридора. Тамъ въ концѣ, гигантскими бѣлыми призраками чудятся средь полумрака гипсовыя изваянія... Каждый вздохъ, откашливаніе глухими перекликами уносятся куда-то... Словно въ храмѣ. А развѣ это не храмъ, чистый, прекрасный, одинъ изъ самыхъ лучшихъ на свѣтѣ! Развѣ Петя не готовъ упасть на холодныя каменныя плиты и застыть, замереть въ сладостномъ молитвенномъ экстазѣ...

Очень высокій, внушительный, крѣпкій, будто созданный для грандіозной окружающей обстановки швейцаръ, въ красной мантіи съ черными орлами, подошелъ къ Тимашевскому.

VII.

—Мнѣ въ канцелярію, чуть слышно заявилъ ему Петя, еще весь подъ первымъ захватившимъ его впечатлѣніемъ.

Великанъ въ красной ливреѣ окликнулъ дремавшаго у вѣшалки служителя.

—Проводи ихъ въ канцелярію.

Длинные, безконечные каменные коридоры... Сводчатые потолки. Отъ массивныхъ стѣнъ, отъ каждой плиты пола вѣетъ интересными традиціями. Чего только не видѣли и не слышали эти коридоры... Не разъ замирали подъ сводами ихъ подавленные стоны обойденныхъ людьми и судьбой неудачниковъ. Они видѣли, въ какой мучительной тоскѣ безысходнаго отчаянія ломалъ себѣ руки Ивановъ, одинокій, непонятый страдалецъ, когда Россія смѣялась надъ его знаменитой картиной, которой художникъ отдалъ цѣликомъ безъ остатка всю свою изломанную, тяжкую жизнь и которую написалъ не красками, а собственной кровью. Что можетъ быть ужаснѣе этой безмолвной трагедіи... Многое они видѣли. Жаль—разсказать не могутъ.

Какъ говорила Дарья Семеновна, такъ и вышло, словно по писанному.

—Послѣдній срокъ для прошеній былъ два дня назадъ, встрѣтилъ Тимашевскаго чиновникъ академической канцеляріи и, прочитавъ на лицѣ юноши почти ужасъ, добавилъ:—Впрочемъ, обратитесь къ господину ректору. Онъ, вѣроятно, захочетъ увидѣть ваши работы и, если онѣ ему понравятся—можетъ допустить васъ до экзамена.

Служитель повелъ Тимашевскаго къ ректору. Семидесятилѣтній румяный и бодрый Федоръ Ивановичъ Обермиллеръ, прославленный граверъ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ разсматриваніе эстамповъ Пуссена, которые надо было раздать для копированія ученикамъ гравернаго класса. Со стѣнъ глядѣли на него портреты кисти Левицкаго и Варнека, изображавшіе людей въ кружевахъ и камзолахъ, въ старосвѣтскихъ мундирахъ и фракахъ съ такими же гладко выбритыми лицами, какъ и у ректора, только болѣе вельможными, породистыми. Откуда же, въ самомъ дѣлѣ, могла явиться вельможность у Федора Ивановича—сына бѣднаго нѣмца-ремесленника. Обермиллеръ былъ глуховатъ, вслѣдствіе чего на засѣданіяхъ академическаго совѣта случались нерѣдко забав-

ныя недоразумѣнія. Онъ любилъ душиться одеколономъ, нюхать табакъ и часто повторять слова: „bon“ и „батенька“.

Проводникъ въ длинномъ суконномъ сюртукѣ съ металлическими пуговицами оставилъ Тимашевскаго въ коридорѣ, исчезъ за дверью и черезъ минуту вышелъ.

—Просятъ.

Ректоръ, коротко остриженный, въ темно-синемъ вицъ-мундирѣ, сдѣлалъ слабое движеніе встать и отвѣтилъ кивкомъ на поклонъ юноши.

—Чѣмъ могу служить, батенька?

Тимашевскій собирался съ духомъ... „Какое у него громадное разстояніе между верхней губой и носомъ“, пронеслось машинально у Пети.

Видя, что юноша молчитъ, Обермиллеръ взглянулъ на него вопрошающе.

—Я опоздалъ на два дня... Не допустите ли вы меня до экзамена, ваше превосходительство?... Въ видѣ исключенія.

—Громче, ничего, батенька, не слышу; станьте ближе! И, сдѣлавъ напряженное лицо, Федоръ Ивановичъ приставилъ руку раковиной къ лѣвому уху.

Тимашевскій повторилъ громче. Ректоръ задумался, барабаня пальцами по одному изъ эстамповъ Пуссена.

—А почему вы опоздали? Молодой человѣкъ долженъ быть аккуратенъ. Аккуратность — это... эт-то... И ректоръ многозначительно поднялъ указательный палецъ.

—Я не зналъ. Жилъ далеко отъ Петербурга. Сегодня только пріѣхалъ.

Ректоръ смягчился.

—Это мѣняетъ немножко дѣло. Вы откуда родомъ?

—Изъ Черниговской губерніи.

—Ваша фамилія?

—Тимашевскій.

—Званіе?

—Мой отецъ — генералъ.

—А-а, протянулъ ректоръ и милостиво указалъ на стулъ.—Bon, bon, батенька... Мы какъ-нибудь устроимъ. Папаша васъ привезъ? Отчего онъ не пожаловалъ?

Петя не могъ удержаться отъ улыбки.

—О, нѣтъ, я одинъ. Папаша противъ моего поступленія въ академію...

Нахмурившись, Федоръ Ивановичъ слегка задумался.

—Да, да... Такое время теперь,—родителей ни въ грошъ. Яйца умнѣе куровъ... Какъ рѣшились вы, молодой человѣкъ, итти противъ воли вашего почтеннаго родителя? Не хорошо, батенька, не хорошо!..

Петя увидѣлъ, что началъ проигрывать во мнѣніи ректора. „Еще, пожалуй, не допуститъ до экзамена...“ И онъ съ рѣшимостью заговорилъ:

—Ваше превосходительство. Конечно, мнѣ было бы во сто разъ пріятнѣе уѣхать въ академію съ родительскаго согласія... Разрывъ не на радость и мнѣ. Но что же оставалось дѣлать? Я не могъ итти въ офицеры, какъ того желалъ мой отецъ. Я люблю искусство, всей душой люблю—это не фраза. Изъ-за него я упустилъ пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ, которые предлагалъ мнѣ отецъ, если я пойду въ кавалерію... Обрекъ себя на неопредѣленное существованіе бѣднаго академиста. Кажется, это является вѣскимъ доказательствомъ?.. Ваше превосходительство, вы знаменитый мастеръ, образованный и чуткій художникъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, я слышалъ про васъ и читалъ... Быть не можетъ, чтобы вы не поняли и не оправдали моего поступка...

Розовое выбритое лицо просіяло; ректоръ сталъ добрѣе.

—Bon, bon, молодой человѣкъ. Въ вашихъ словахъ есть доля правды... Нельзя насиловать стремленій и—въ особенности—такихъ благородныхъ, какъ стремленіе къ искусству. Талантъ живописца, рисовальщика или скульптора—великій божій даръ, и гасить его... грѣшно. Я самъ былъ молодъ, самъ

стремился. Господь всемогущій вывелъ меня на дорогу. Я былъ бѣдный мальчикъ и учился на мѣдныя деньги. Отецъ очень рано умеръ и оставилъ насъ, сиротъ...

Растроганно звучалъ голосъ риктора. Нѣкоторое время онъ былъ во власти воспоминаній далекаго дѣтства. Вернувшись къ дѣйствительности, онъ продолжалъ:

—Но вотъ что важно знать:—не на ложномъ ли вы пути? Дана ли вамъ отъ Господа искра божія?.. Въ противномъ случаѣ, сколь больно будетъ потерпѣть разочарованіе. У васъ есть какіе-нибудь опыты, рисунки, наброски? Вы принесите, покажите ихъ мнѣ, и я вамъ скажу искреннюю правду, по-отечески, да подѣдовски, ибо вы годитесь, батенька, мнѣ во внуки. Буду здѣсь до четырехъ часовъ, а пока—до свиданья.

Федоръ Ивановичъ кивнулъ Петѣ головой, на этотъ разъ—не безучастно, а ласково. Потомъ вынулъ. откуда-то, изъ-за спины, серебряную табакерку и съ наслажденіемъ сдѣлалъ добрую понюшку. Въ этотъ моментъ ректоръ, самъ того не подозрѣвая, весьма напоминалъ своего покойнаго родителя, отъ котораго вмѣстѣ съ честнымъ именемъ унаслѣдовалъ привычку нюхать табакъ.

Тимашевскій заметался.

—Я сейчасъ побѣгу...принесу, какъ можно скорѣе.

—Bon, bon...

Вихремъ помчался домой Тимашевскій.

—Ну, что? Какъ? накинулась Дарья Семеновна.

Петя разсказалъ отрывисто, спѣшно... Ректоръ очаровалъ его...

—Я говорила! не безъ гордости заключила Коробкова.

—Аннушка не вернулась?

—Ишь, какой прыткій. Скоро захотѣлъ... Близкій ли свѣтъ Варшавскій вокзалъ-то? Сядь и жди! Кофею тѣмъ временемъ выпей.

Но юношѣ не сидѣлось и было не до кофею. Весь поглощенный ожиданіемъ Аннушки, онъ еже-

минутно прислушивался у дверей—не идетъ ли она. Шли многіе—и въ квартиру Дарьи Семеновны и въ чужія, но Аннушки не было. Наконецъ, когда ужъ Петя истомился совсѣмъ, вошла чисто одѣтая горничная въ сопровожденіи нагруженнаго вещами швейцара.

Желая добыть поскорѣе изъ чемодана папку, Тимашевскій рѣзалъ веревку ножомъ: развязывать ихъ было бы слишкомъ долго. Мгновеніе—и съ папкой подъ мышкой онъ выбѣжалъ изъ квартиры.

—А мнѣ не показалъ, укоризненно бросила ему вдогонку Дарья Семеновна.

Но Петя не слышалъ.

Запыхавшійся, красный, тяжело дыша, дрожащими отъ волненія пальцами подавалъ онъ ректору одинъ за другимъ свои этюды и рисунки. Тутъ были портретные наброски свинцовымъ карандашомъ, еще наивные, робкіе, пейзажные этюды масляными красками, жанровыя сценки и нѣсколько рисунковъ съ гипсовыхъ масокъ и торсовъ. Молча и важно просматривалъ Федоръ Ивановичъ эти картоны и холстики. Исключительное вниманіе его привлекла строго и правильно сдѣланная итальянскимъ карандашомъ большая голова Гермеса. Нѣсколько минутъ разсматривалъ, скорѣе изучалъ ее Федоръ Ивановичъ, бормоча про себя „bon, bon“, и потомъ перевелъ пытливый взглядъ на Петю.

—Неужели это вы рисовали?

Тимашевскій вспыхнулъ.

—Ваше превосходительство, да развѣ я сталъ бы...

—Успокойтесь, батенька, успокойтесь. Честное слово старика—въ мысляхъ не имѣлъ обидѣть. Слишкомъ хорошій рисунокъ, потому и мелькнуло сомнѣніе. Вотъ не зналъ, что въ кадетскихъ корпусахъ такъ хорошо поставлено рисованіе. Или это только въ вашемъ? Гермесъ,—шутка ли сказать. На пріемныхъ экзаменахъ въ академіи

почти всегда Аполлона рисуютъ,—куда же легче. Особенно мнѣ нравятся въ вашемъ Гермесѣ волосы:—всѣ завитки вырисованы, а ихъ тутъ больше тысячи; и въ то же время нѣтъ вымученности, свободно, потомъ не пахнетъ, какъ у другихъ.—Ректоръ понюхалъ свой надушенный клѣтчатый платокъ.—Въ линіяхъ чувствуется аристократичность, благородство. Вы обѣщаете... Если будете работать, слушать совѣтовъ и любить дѣло—изъ васъ выйдетъ со временемъ мастеръ.

VIII.

Ногъ подъ собой не чуя, ушелъ Тимашевскій отъ ректора. Федоръ Ивановичъ очаровалъ его. Все чаровало теперь юношу: и величавая академія съ нѣмыми коридорами, и широкая Нева въ гранитныхъ берегахъ, и добрѣйшая Дарья Семеновна, и жильцы ея, съ которыми онъ быстро перезнакомился въ столовой, за первымъ же обѣдомъ, къ слову сказать, вкуснымъ и сытнымъ... Шаткость матеріальнаго положенія не пригнетала Тимашевскаго и неизвѣстное будущее не страшило... Съ надеждой и бодрой вѣрой молодости глядѣлъ онъ въ него...

На верху, кромѣ Петиной комнаты, была рядомъ еще одна. Тамъ жилъ академикъ—Мартынъ Пахоменко—ученикъ натурнаго класса. Красотой не могъ похвастаться Пахоменко—высокій, сутуловатый, съ крупнымъ, обильно изрытымъ оспой лицомъ. Враги и завистники,—а у него ихъ было много: шелъ онъ въ академіи хорошо, „съ трескомъ,“—говорили, что въ каждой рябинѣ у Пахоменка чуть ли не по цѣлому возу грязи.—Но это была не правда. Круглый голышъ, онъ все же, насколько могъ, содержалъ себя въ чистотѣ и порядкѣ. Одѣвался по бѣдности весьма неважно. Короткія панталоны съ бахромкой и вздутыми колѣнками, рыжій перепачканный красками пиджачекъ, изъ котораго обладатель его давно выросъ. На шеѣ, вмѣсто галстука — обрывокъ какой-то

тряпочки, повязанной, однако, съ артистическимъ вкусомъ — любой свѣтскій щеголь позавидовалъ бы. Широкое, безусое и безбородое лицо озарялось большими глубокими глазами, мягкими, кроткими и вмѣстѣ энергичными. Только сильная, энергичная натура могла одолѣть то, чего достигъ Пахоменко. Немало одолѣлъ онъ препятствій и натерпѣлся разныхъ бѣдъ, пока очутился въ академіи.

Отца не помнилъ. Мать, бѣдная вдова-крестьянка, ложась спать, не знала, будетъ ли завтра чѣмъ поснѣдать. Имѣла шматокъ поля, да что проку въ немъ, коли обработать некому. „Чоловикъ“ умеръ, сынъ еще хлопчикъ, а самой пахать да боронить—не бабье дѣло, не подъ силу. И шматокъ поля снялъ за какіе-то ничтожные гроши въ аренду еврей - корчмарь, а сама Параска ходила за шесть верстъ въ Конотопъ стирать „билизну“ и мыть къ шабесу у евреевъ полы, да зажигать по пятницамъ тоненькія свѣчи.

Что-то болѣзненное было въ ея сильной материнской любви къ Мартыну. Все безотрадное существованіе „жидовской наймычки“—такъ бранили ее подъ сердитую руку сосѣди—сосредоточилось на сынѣ. Онъ одинъ, одинъ на всемъ свѣтѣ. И больше никого и ничего. Остальное—сплошной холодный мракъ безъ просвѣта, безъ малѣйшей искорки... Мартынъ не оставался въ долгу и платилъ матери тѣмъ же чувствомъ.

Ей хотѣлось, чтобы Мартынъ былъ „письменный“. И псаломщикъ сельской церкви принялся учить хлопца грамотѣ. Параска стала работать пуще прежняго. Надо было „выстирать“ лишній рубль въ мѣсяцъ для псаломщика за науку. Хлопецъ оказался способнымъ. Минуло полгода—ужъ читать и писать умѣлъ. Даромъ, что преподавательскій методъ псаломщика былъ самый варварскій. Лишь только Мартынъ познакомился съ карандашомъ и назначеніемъ его—въ немъ пробудилось стремленіе изображать все доступное

голубымъ оченятамъ окружающее. Стремленіе чисто безсознательное. Поистинѣ, онъ не вѣдалъ, что творилъ. Если бы ему сказали: „ты рисуешь“, Мартынъ не понялъ бы и смотрѣлъ бы на говорившаго съ недоумѣніемъ: „Шуткуетъ, вѣрно“.

Изображать формы видимыхъ предметовъ обратилось у него въ такую точно потребность, какой является необходимость спать, ѣсть, ходить... А пока что, изъ подъ грифеля и карандаша выходили хаты, коровы, собаки, лошади, возы. Посягнуть на людей Мартынъ не рѣшался до поры. до времени... Попытки были наивны, неуклюжи, но все-таки самый требовательный критикъ не смѣшалъ бы коня съ собакой и не сказалъ бы, что Мартынова свинья можетъ сойти за корову. А для десятилѣтняго хлопца-самоучки—это плюсъ изъ большихъ.

Одинъ Богъ знаетъ, куда заносилась въ своихъ мечтахъ Параска, желая видѣть своего ненаглядного сына хорошо устроившимся, счастливымъ, обезпеченнымъ... Можетъ статься, воображеніе рисовало ей Мартына въ чиновничьемъ мундирѣ съ ясными гудзиками... Или онъ вставалъ передъ ней, какъ живой, въ червонной шапкѣ начальника желѣзнодорожной станціи. Но давно уже извѣстно, что мечты и дѣйствительность—непримиримые враги. Мечты подсказываютъ и ясные гудзики и червонную шапку, а неумолимая дѣйствительность велитъ надѣть свитку, высокую войлочную магерку, перекинуть черезъ плечо лыковый кошель и громко щелкающей пугой гнать овечье стадо за околицу. Говоря короче,—Мартынъ сдѣлался пастушкомъ. Лучшаго не представлялось ничего, а сидѣть, сложа руки, и смотрѣть, въ какое каторжное ярмо тяжкаго труда безвыходно запряглась мать,—онъ не могъ.

Три года пастуховалъ Мартынъ. А на четвертый, когда овцы его забрели въ помѣщичью гречку и дочиста вытоптали и съѣли цѣлую десятину, такъ что мужикамъ пришлось уплатить нѣсколько

рублей за потраву,—хлопецъ лишился своего мѣста разъ навсегда. Случилось это вотъ почему. Вмѣстѣ съ хлѣбомъ и саломъ, Мартынъ каждое утро клалъ въ свой кошель какую-нибудь истрепанную книжонку, чудомъ попавшую къ нему, и клочекъ бумаги съ огрызкомъ бѣлаго копеечнаго карандаша. Въ полѣ онъ увлекался чтеніемъ или рисованіемъ, смотря по настроенію. Увлекался такъ сильно, что забывалъ не только овецъ, но и все на свѣтѣ.

Безъ дѣла Мартыну сидѣть не пришлось. Его мать стирала для начальника станціи, красная шапка котораго не разъ вызывала завистливый вздохъ у Параски. Если бы Мартыну такая... Бѣдная вдова обратилась къ начальнику за протекціей. Тотъ подумалъ и сказалъ:

—Видишь, милая, дать мѣсто по желѣзнодорожной части твоему хлопцу я не могу. Вакансій нѣтъ. А поговорю-ка съ буфетчикомъ. У него, кажется, очистилось что-то...

Поговорилъ начальникъ съ толстымъ буфетчикомъ. На другой же день Мартынъ вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, которыя заключались въ строгомъ подчиненіи главному и вмѣстѣ единственному повару. Хлопецъ долженъ былъ состоять на побѣгушкахъ у этого всегда полупьянаго неряшливаго человѣка въ грязномъ колпакѣ, съ краснымъ носомъ и сѣдой колючей щетиной на опухшей румяной отъ возліяній физіономіи. Долженъ былъ убирать кухню, мыть посуду, чистить кастрюли. Мартынъ вспоминалъ съ сожалѣніемъ свое пастушеское прошлое, когда вмѣсто вонючей кухни его окружала природа, отвѣчавшая художественной, созерцательной натурѣ. Тогда никто не таскалъ его за чупрыну... А поваръ таскалъ—и довольно часто. Чуть что не такъ—сейчасъ расплата. Но... все, даже самое скверное нерѣдко ведетъ къ лучшему.

У повара сталъ исчезать табакъ. Думая, что его похищаетъ хлопецъ, поваръ какъ-то ночью

обревизовалъ самымъ тщательнымъ образомъ карманы Мартыновыхъ штановъ. Табаку онъ не нашелъ, ибо, Мартынъ, во-первыхъ, не курилъ, а во-вторыхъ вообще, не бралъ что-либо чужое тайкомъ.

Зато поваръ нашелъ въ карманѣ другое, заставившее его призадуматься и долго разсматривать съ изумленіемъ, при мигающемъ свѣтѣ огарка, смятые кусочки бумаги. Это были наброски карандашомъ... Въ одномъ изъ нихъ поваръ узналъ себя. Положительно онъ. Стоитъ у плиты и передвигаетъ кастрюли. И колпакъ, и передникъ, все, какъ слѣдуетъ быть. А вотъ—толстый буфетчикъ у стойки, неподвижный, словно монументъ; и передъ нимъ офицеръ, вопросительно указывающій пальцемъ на тарелочку съ закусками. Вотъ — вытянувшійся у платформы поѣздъ, а на платформѣ кучка типичныхъ носатыхъ евреевъ. Ну, прямо живые. Такъ и кажется, сейчасъ „загергочутъ“ на своемъ непонятномъ языкѣ.

Эта ревизія Мартыновыхъ штановъ рѣшила судьбу ихъ обладателя. На утро человѣкъ съ краснымъ носомъ показалъ рисунки буфетчику. Тотъ покачалъ головой, издалъ пухлыми губами какой-то неопредѣленный звукъ и окликнулъ проходившаго мимо начальника станціи Чивилева. Всѣ трое начали ахать и удивляться. Въ особенности— начальникъ, понимавшій нѣкоторый толкъ въ рисункахъ, благодаря покойному брату, который учился когда-то въ академіи, подавалъ надежды, но рано и быстро угасъ отъ скоротечной чахотки. Позвали Мартына. Какъ былъ онъ съ засученными рукавами, въ мокромъ изъ стараго мѣшка передникѣ, такъ и прибѣжалъ.

—Ты рисовалъ? спросили въ одинъ голосъ всѣ трое.

Вздрогнулъ Мартынъ, увидѣвъ свои рисунки. Еще, чего добраго, трепку зададутъ. Держись чупрына... Голубыя оченята забѣгали. Растерялся хлопецъ...

—Я,—говоритъ чуть слышно.

Начальникъ станціи не выдержалъ,—расхохотался.

—Да ты, дурень, не бойся. Это хорошо. Это тебѣ отъ Бога. Не всякому дано. Учиться надо,—художникомъ будешь. Въ академію, чего добраго...

Пахоменко понялъ одно. Сквернаго ничего онъ не сдѣлалъ, и трепки не будетъ. Страхъ исчезъ, появилась улыбка, — нерѣшительная, застѣнчивая...

Экстренно вытребовали изъ деревни Параску. Начальникъ позвалъ ее къ себѣ и долго говорилъ о чемъ-то. Вышла она отъ него сіяющая, со слезами радости на глазахъ. Помолодѣла. Даже морщины разгладились. Коричневая потрескавшаяся отъ вѣчной стирки ладонь крѣпко сжимала трубочкой свернутую десятирублевку. Лицо Чивилева, наоборотъ, было грустно... Никогда не вспоминался ему такъ ярко покойный братъ, какъ теперь. Въ его память и помогъ онъ Параскѣ совѣтомъ и деньгами.

Спустя нѣсколько дней, мать и сынъ отправились пѣшкомъ въ Кіевъ. Прямо съ дороги—въ рисовальную школу. Ученики смѣялись, глядя на босого Мартына въ свиткѣ и съ кошелемъ черезъ плечо, заключавшемъ все его движимое имущество. Бумажки съ изображеніемъ конотопскихъ повара и буфетчика были бережно добыты изъ кошеля и показаны начальнику школы. Разсмотрѣлъ онъ ихъ внимательно и тутъ же, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, принялъ Пахоменка въ ученики. Материнское самолюбіе Параски удовлетворилось наконецъ. Она чуяла сердцемъ, что открывавшійся Мартыну путь недосягаемо выше всѣхъ пастушонковъ и кухонныхъ хлопцевъ на свѣтѣ. Даже много выше свѣтлыхъ гудзиковъ и красной шапки, о которыхъ она когда-то мечтала...

Сынъ былъ опредѣленъ матерью на квартиру къ мѣщанкѣ предмѣстья. За столъ и уголъ Мартынъ обязался помогать въ работахъ по хозяйству:

нарубить дровъ, сбѣгать въ лавочку за керосиномъ, сходить за водой. Товарищи, увидѣвъ, что Пахоменко быстро обгоняетъ ихъ и по рисованію идетъ лучше всѣхъ въ классѣ, перестали смѣяться надъ его свиткой. Послѣдніе годы своего школьнаго ученія Пахоменко научился писать иконы, сталъ зарабатывать, и хожденія въ лавочку за керосиномъ кончились. Онъ могъ платить за себя; кромѣ того, посылалъ еще матери. Цѣною суровыхъ лишеній, онъ скопилъ нѣсколько десятковъ рублей, которые берегъ для поѣздки въ академію,

Теперь ему двадцать шесть лѣтъ и въ академіи онъ четвертый годъ. „О, чортовъ хохолъ, далеко пойдетъ“, говорили про него товарищи.

Не прошло двухъ дней,—Пахоменко и Тимашевскій сошлись. Ихъ потянуло другъ къ другу. Подобныя сближенія завязываются чаще всего между людьми разныхъ породъ. Крѣпкій, какъ желѣзо, сильный плебей и хрупкій, словно стебелекъ нѣжнаго тепличнаго цвѣтка, дворянчикъ-юноша, они являлись взаимнымъ дополненіемъ. Тимашевскому нужна была опора, а Пахоменко желалъ быть для него подобной опорой. Петя не безъ удивленія убѣждался, что Мартынъ Даниловичъ много читалъ и работалъ надъ саморазвитіемъ; это сказывалось и въ рѣчи Пахоменка, гладкой, почти литературной. Только изрѣдка проскальзывели словечки недавняго кухоннаго хлопца.

Мартынъ Даниловичъ сводилъ Петю въ Эрмитажъ. Еще когда они приближались,—исполинскіе варвары-каріатиды привели юношу въ изумленіе и восхищеніе. Съ каждымъ моментомъ, съ каждой ступенью широкой, роскошной мраморной лѣстницы, съ каждымъ шагомъ по величественнымъ заламъ съ картинами давно угасшихъ геніевъ на стѣнахъ—восторженное изумленіе Тимашевскаго возрастало, переходя въ какое-то экзальтированное состояніе. Глаза блестѣли, щеки пылали. Онъ весь дрожалъ, охваченный внезапной лихорадкой. Если картина особенно поражала Петра, онъ

крѣпко сжималъ руку Пахоменка и горячо шепталъ:

—Мартынъ Даниловичъ! Боже, какъ хорошо! Какъ сильно! Неужели, это люди писали?!

Порывистый шопотъ вырывался изъ его устъ передъ нѣкоторыми портретами Ванъ-Дика, предъ распятымъ внизъ головой апостоломъ Петромъ—Караваджіо, передъ „стариками“ Рембрандта.

—Ну, а вы, что вы скажете! нетерпѣливо спрашивалъ Тимашевскій Пахоменка, не выпуская его руки.

Мартына Даниловича самого нельзя было упрекнуть въ излишнемъ спокойствіи. Слава тебѣ, Господи, вдоль и поперекъ успѣлъ изучить Эрмитажъ; знаетъ, гдѣ какая картина виситъ, но все же каждый разъ переживаетъ состояніе близкое къ священному трепету.

Для перваго знакомства ограничились бѣглымъ осмотромъ. А затѣмъ Петя можетъ основательно изучать Эрмитажъ по школамъ. Мартынъ Даниловичъ обращалъ вниманіе своего юнаго пріятеля и на дорогую мебель тонкой, художественной работы, на рѣзныя двери, объяснялъ стили. Безъ него, поглощенный всецѣло картинами, Петя не замѣтилъ бы ничего этого. Уходя, съ общаго согласія, рѣшили еще разъ проститься съ Рембрандтомъ. Остановились у знаменитаго портрета матери художника „съ руками“.

—Говорящія руки! прошепталъ Пахоменко:—всю жизнь можно по нимъ прочесть, какъ по книжкѣ.—Онъ вспомнилъ свою мать, такую же честную труженицу, съ такими же коричневыми рабочими руками. Все, что могла, сдѣлала для него эта женщина. Онъ безмѣрно счастливъ, имѣя возможность посылать ей десять рублей въ мѣсяцъ—треть своего средняго заработка. Пора отдохнуть ей. Довольно стирать по недѣлямъ, по мѣсяцамъ цѣлыя горы бѣлья. Скучно теперь тамъ, въ Конотопѣ:—дожди, грязь непроходимая...

IX.

Экзаменующимся поставили бюстъ Антиноя. Немногимъ изъ восьмидесяти счастливцевъ удалось занять мѣста поближе и повыгоднѣй, хотя для удобства залъ устроенъ былъ амфитеатромъ. Петя сидѣлъ далеко, въ шестомъ ряду; зрѣніемъ обладалъ онъ прекраснымъ, однако же неясно видѣлъ черты греческаго красавца. Поэтому онъ долго не принимался за карандашъ, внимательно изучалъ Антиноя, подходилъ къ нему, всматривался, возвращался...

Миновалъ часъ, а его картонъ все еще въ неприкосновенно дѣвственной чистотѣ,—ни одного штриха.

Между рядами мольбертовъ, какъ журавль, шагалъ взадъ и впередъ высокій сухощавый и длинноногій дежурный профессоръ Ламыкинъ—пережитокъ николаевскаго времени. Гладко выбритый, стройный, затянутый въ вицъ-мундиръ и въ узкихъ панталонахъ со штрипками. Старикъ любилъ повторять фразу: „изволите ли видѣть“. Рисовальщикъ въ старо-академическомъ духѣ, онъ былъ еще туда-сюда, но художникъ, творецъ, композиторъ—совсѣмъ неважный. Питалъ слабость ко всему итальянскому, до карандаша включительно, и хмурился, если замѣчалъ въ рукѣ академиста карандашъ свинцовый.

Всѣ восемьдесятъ человѣкъ провожали ровную сухощавую фигуру Ламыкина взглядами, въ которыхъ читался священный трепетъ. Это былъ первый профессоръ, котораго довелось имъ увидѣть. Тѣмъ болѣе, николаевская выправка, панталоны со штрипками и вицъ-мундиръ сообщали Ламыкину какую-то торжественную олимпійскую важность. И самъ онъ старался походить на жреца... Профессоръ шагалъ, словно его завели. Вдругъ—круто остановился возлѣ Тимашевскаго. Петю въ дрожь бросило.

– Уже прошло, изволите ли видѣть, много времени, а у васъ ничего не сдѣлано. Пора бы, ка-

жется, начать. Это не эскизъ программы, который надо обдумать... А коли, изволите ли видѣть, рисовать не умѣете, зачѣмъ экзаменоваться.

—Я хочу изучить сначала, чуть слышно отвѣтилъ сконфуженный Петя.

—Изучить? Подумаешь, премудрость какая. Надо рисовать, что видишь...

И Ламыкинъ зашагалъ дальше.

Жажда поступить въ академію, сдѣлаться художникомъ согнала въ экзаменаціонный классъ разношерстную толпу со всѣхъ концовъ Россіи. Кого только не было здѣсь! Гвардейскій офицеръ-щеголь сидѣлъ бокъ-о-бокъ съ юношей изъ Вильны въ неуклюжемъ, длинномъ еврейскомъ балахонѣ. По бѣдности онъ не успѣлъ смѣнить его на обычный городской костюмъ. Плоскій, убогій калмыцкій профиль—рядомъ съ красивымъ рѣзкимъ профилемъ жгучаго кавказца... Деревенскій парень, ученикъ захолустнаго иконописца, въ тяжелыхъ большихъ сапогахъ, смущается, робѣетъ отъ близкаго сосѣдства надушенной барышни.

Самолюбіе Пети было сильно задѣто Ламыкинымъ. „Коли рисовать не умѣете, зачѣмъ экзаменоваться“, звенѣло въ ушахъ Тимашевскаго. Онъ сдѣлалъ усиліе, поуспокоился немного и, когда рука перестала дрожать, съ рѣшимостью принялся за работу. Энергично и смѣло ходилъ карандашъ въ его тонкихъ и длинныхъ пальцахъ. Быстро, въ часъ, прямыми упругими линіями нарисовалъ онъ голову Антиноя...

Ламыкинъ подошелъ и устыдился.

—Беру назадъ свои слова... Изволите ли видѣть, поторопился. Чудесно! Не всякій новичокъ „беретъ“ такъ твердо. Рисовальщикъ будете... Только Боже упаси васъ отъ свинцоваго карандаша:—итальянскій, всегда—итальянскій.

Юноша торжествовалъ... Онъ „доказалъ“...

Тимашевскій получилъ второй номеръ, а слѣдовательно, выдержалъ экзаменъ въ академію блестяще... По этому поводу Дарья Семеновна

испекла вкуснѣйшій пирогъ, а Пахоменко выпилъ на радостяхъ нѣсколько рюмокъ „горілочки“... Всегда застѣнчивый, сдержанный, онъ разошелся. Цѣловалъ Петю и предрекалъ славу. Всплакнулъ даже... Потомъ сталъ пѣть—у него былъ недурной голосъ—украинскія пѣсни, то веселыя, плясовыя, то грустныя, заунывныя, подслушанныя имъ у незрячихъ лирниковъ, которые „співаютъ“ на ярмаркахъ и базарныхъ площадяхъ...

X.

Черезъ мѣсяцъ Тимашевскаго перевели изъ головного класса въ фигурный,– срокъ слишкомъ быстрый, краснорѣчиво говорившій объ его успѣхахъ. Мартынъ Даниловичъ одобрительно кивалъ и, подражая гоголевскому Тарасу, повторялъ съ усмѣшкой:

—Добре, сынку, добре.

Пахоменко заботился о немъ, какъ о родномъ сынѣ. Добылъ заказъ на нѣсколько образовъ,—дешевый, невыгодный,—но все же нашелъ возможность подѣлиться съ Петей, который освоился очень скоро съ немудреной иконописной техникой. Такимъ образомъ, Тимашевскій имѣлъ около двадцати рублей въ мѣсяцъ. Не раскутишься, а все—подспорье. Петя былъ счастливъ, бѣгая по морозной пятнадцатиградусной стужѣ въ легкомъ осеннемъ пальто, и не ропталъ на судьбу. Тѣмъ болѣе, на его же глазахъ, иные академисты чуть не умирали отъ голода среди самой вопіющей безжалостной нищеты.

Въ сравненіи съ ними, онъ—Крезъ.

Подобно ему, стремились они въ академію изъ далекихъ, далекихъ угловъ. Пріѣзжали съ богатыми надеждами и тощимъ кошелькомъ въ этотъ манившій ихъ, какъ загадочный миражъ, холодный и каменный Петербургъ. Миражъ превращался въ дѣйствительность, въ ужасную дѣйствительность. И они безвозвратно погибали отъ жестокаго людского равнодушія, нерѣдко—талант-

ливые, отмѣченные Божьей искрой. Погибали, исчезали безслѣдно разбитые, изломанные, въ вѣчной кипени большого сѣвернаго города, а ряды ихъ все пополнялись и пополнялись прибывающими жертвами,—новыми, свѣжими, не подозрѣвающими стерегущей ихъ черной доли. Академическая молодежь того времени любила искусство сильной, всепоглощающей любовью. Немногіе изъ „нынѣшнихъ" такъ его любятъ. Искали, добивались, мучились и работали въ классахъ и дома по шестнадцати часовъ въ сутки. Нѣкоторые такъ увлекались, такъ отравлялось все существо ихъ жаждой постигнуть великую тайну идеальнаго рисунка, что не выдерживали, кончая сумасшествіемъ или чахоткой. Фанатически увлекающаяся искусствомъ горсточка талантливой молодежи незамѣтно подготовила въ шестидесятыхъ годахъ переворотъ въ нашемъ искусствѣ.

Въ то время Эрмитажъ не былъ доступенъ для публики по-нынѣшнему. Его открывали всего лишь нѣсколько разъ въ годъ. Боже, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали академисты этихъ рѣдкихъ дней. И тамъ, въ строго роскошныхъ залахъ, они познакомились съ такими чародѣями, какъ Рембрандтъ, Тиціанъ, Веласкецъ и Ванъ-Дикъ. И гномомъ показался имъ Брюлловъ въ сравненіи съ этими обаятельными гигантами. Прогулки въ Эрмитажъ не прошли безнаказанно для русской живописи. Началось тяготѣніе къ благородному реализму, чуждому какихъ бы то ни было, даже брюлловскихъ условностей.

Чѣмъ-то бодрящимъ, новымъ повѣяло въ академическихъ классахъ. Молодежь рисовала съ антиковъ усердно, цѣлую зиму... Осмысленно, съ чувствомъ рисовала, одухотворяя жизнью мертвыя гипсовыя головы Гермесовъ, Антиноевъ и Люціевъ Веровъ. Но, съ первымъ дуновеніемъ весны, ее тянуло прочь изъ Петербурга къ простору, къ настоящей безыскусственной природѣ, на воздушномъ фонѣ которой ученики писали этюды съ типичныхъ

крестьянъ, бродягъ, странниковъ, нищихъ. Писали, подражая новымъ богамъ: Рембрандту, Ванъ-Дику и Веласкецу. Осенью молодые художники привозили свои этюды въ Петербургъ, показывали профессорамъ.

XI

Пахоменко лишь отчасти вліялъ на художественное развитіе Пети: во-первыхъ, Мартынъ Даниловичъ, за рѣдкими исключеніями, всегда ровный, спокойный, не могъ зажечь Тимашевскаго, а во-вторыхъ, онъ былъ значительно старше и по возрасту и по курсу. Пахоменко уже вышелъ конкурировать на малую золотую медаль,—Тимашевскій же проходилъ пока еще фигурный классъ. Если кто, дѣйствительно, научилъ Петю фанатически любить искусство и отдаться ему нераздѣльно,—это однокашникъ его, товарищъ Григорій Ногтевъ.

Худенькій, маленькій Ногтевъ обладалъ какой-то желѣзной, экзальтированной волей. Въ его глубоко запавшихъ глазкахъ таилась обаятельная сила. Весь онъ былъ комокъ чуткихъ, воспріимчивыхъ нервовъ. Живи Григорій Ногтевъ въ средніе вѣка—онъ увлекалъ бы за собою стотысячныя, воспламененныя его рѣчами, людскія толпы. Ногтевъ пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ изъ родной костромской деревушки. Квартировалъ онъ у тетки подъ Невскимъ монастыремъ, гдѣ-то на огородахъ. Каждый день бѣгалъ въ академію два раза:—къ утреннимъ и вечернимъ классамъ. Зимой вставалъ очень рано. Отецъ, разставаясь, подарилъ Гришѣ шубу изъ бѣлыхъ волковъ. Мальчикъ думалъ, что если онъ будетъ ходить въ ней, на него станутъ указывать пальцами. И онъ предпочиталъ зябнуть въ своемъ легонькомъ пальтишкѣ.

Много лѣтъ спустя, вернувшись изъ заграничнаго пансіонерства, когда былъ уже профессоромъ, Ногтевъ высчиталъ по плану разстояніе между

академіей и теткиной квартирой. Тетка умерла, огороды же къ тому времени исчезли и на мѣстѣ ихъ выросли каменные дома. Оказалось—шесть верстъ и одиннадцать саженъ. Фанатическая страстность уживалась въ Ногтевѣ съ тяготѣніемъ къ чрезвычайной, иногда прямо анекдотической точности.

Тимашевскій шелъ наравнѣ съ Ногтевымъ. Они, чередуясь, получали за рисунки первые и вторые номера. Петя былъ, пожалуй, талантливѣе, но Ногтевъ бралъ усидчивостью и работой. Онъ, случалось, рисовалъ шесть-семь часовъ подрядъ, не вставая, рисовалъ до изнеможенія, до головныхъ болей.

Только разъ пришло изъ Бесагъ Петѣ безграмотное письмо Настасьи Фоминишны. Этимъ ограничились всѣ его отношенія съ отцовскимъ домомъ, за нѣсколько долгихъ лѣтъ. Между прочимъ Настасья Фоминишна сообщала, что „генералъ иногда вспоминаютъ о Петенькѣ и братецъ Алексѣй Викторовичъ, кажется, собираются жениться. На комъ—неизвѣстно. Ищутъ невѣсту съ хорошимъ приданымъ и со связями“.

Это письмо всколыхнуло вдругъ успокоившуюся, замершую горечь.

—„Иногда вспоминаютъ,“ мысленно повторялъ Петя съ кривой усмѣшкой: „каменный, безсердечный старикъ. А вспомнилъ онъ когда-нибудь, что сынъ бѣдствуетъ, что не грѣхъ и ему послать денегъ. Хорошо еще, что онъ въ сравнительно сносныхъ условіяхъ и не нуждается въ помощи; вѣдь онъ могъ бы буквально подохнуть съ голоду, имѣя богатаго отца, съ легкимъ сердцемъ тратящаго тысячи на другого сына“.

Зимній свинцовый полумракъ теплой, хорошо натопленной комнаты располагалъ къ сладостному дремотному покою. Тимашевскій лежалъ на кровати и смотрѣлъ на трехногій мольбертъ съ вѣнчающей его верхушку гипсовой маской. Сквозь эту густую вечернюю дымку мольбертъ чудился ка-

кимъ-то несуразнымъ костлявымъ призракомъ съ гримасничающимъ, мертвенно блѣднымъ лицомъ.

Стукъ.

—Войдите.

Распахнулась дверь и запыхавшійся Ногтевъ принесъ съ улицы въ теплую комнату морозный холодъ.

—Ну, братъ, и бѣжалъ же я. Навѣрное, прохожіе думали, не мазурикъ ли. Холодина аховая! Спалъ? Не хорошо! Жизнь наша и такъ не длинна, изволите ли видѣть,—передразнилъ онъ Ламыкина,—а вы ее сокращаете, милостивый государь, дневнымъ дрыханьемъ. Стыдно-съ.

—И не думалъ спать. Вздремнулъ слегка... Признаться,—усталъ. Былъ подъ Смольнымъ—пѣшкомъ туда и назадъ. Портретъ съ фотографіи купецъ заказалъ...

—Такіе заказы—будь они прокляты,—перебилъ Ногтевъ:—пагуба одна для техники. Ни единаго штриха, ни единаго мазка безъ натуры. А то—съ карточки. Вообще—фотографія—чепуха. Лучше рисовали, когда не было фотографій. Я-то хорошъ. Парню, поди, на хлѣбъ насущный подавай, а я съ упреками. Такъ вѣдь?

—Да, тихо отвѣтилъ Тимашевскій:— безъ гроша сижу. На конку не было.

—Однако, тепло у тебя. Сниму-ка я свою хламиду.

—Ты бы шубу носилъ,—долго ли простудиться.

—А ну ее къ чертямъ. Не вспоминай про шубу. Зажги-ка свѣтильникъ.

Тимашевскій зажегъ лампу. Со стѣнъ глянули вдругъ, словно выплывшіе откуда-то изъ мрака трепетнаго, вспугнутаго, этюды мужскихъ головъ, сильныхъ по рисунку и по лѣпкѣ. Вотъ старый красавецъ съ головой патріарха—натурщикъ Тарасъ, позировавшій Брюллову, о которомъ онъ не могъ вспоминать безъ слезъ. Вотъ живущій въ этихъ же комнатахъ богатырь—студентъ Карагезовъ, съ внѣшностью Самсона. Отважный, дерзкій взглядъ,

горделивый поворотъ... Разсыпались по плечамъ густыя кудри.

—Все это хорошо, замѣтилъ Григорій, кивая по направленію этюдовъ:—очень хорошо, а вотъ это совсѣмъ плохо.—Онъ указалъ на мольбертъ съ подрамкомъ, гдѣ Петя начертилъ углемъ по клѣточкамъ контуръ купеческой головы и гдѣ сбоку была пришпилена кнопкой фотографическая карточка, всмотрѣлся и сплюнулъ:—Однако, и богомерзкая же морда у твоего купца. Не лицо, а перина.

—Если бы ты зналъ, какъ мнѣ пришлось его писать! почти страданіе звучало въ голосѣ Пети:—и еще наставляетъ. У меня, говоритъ,—рожи оченно много, нельзя ли того... деликатности подпустить...

Ногтевъ даже руками всплеснулъ.

—Свинья-свиньей, мало не хрюкаетъ, а еще деликатностей хочетъ. Ты бы сказалъ ему:—съ деликатностью дороже на красненькую. Чтобы тогда запѣлъ купчина-дровяникъ?

Кое-гдѣ висѣли на гвоздяхъ гипсовыя руки. На подоконникѣ, въ грустной задумчивости, стоялъ гипсовый Германикъ, пугающій, страшный, потому что кожа отсутствовала и мускулы, пучки сухожилій были зловѣще обнажены. Анатомія необходима серіозно изучающему рисунокъ.

Ногтевъ машинально потрогалъ пальцами Германика и вспомнилъ:

—Сегодня у Константиновича—суббота. Пойдемъ?

—Хорошо.

Пріятели одѣлись и вышли. Пустынныя линіи Острова исчезали во мракѣ морозной звѣздной ночи.

Константиновичъ былъ богатый ученикъ академіи, товарищъ Ногтева и Тимашевскаго, но значительно старше ихъ возрастомъ. По субботамъ у него собиралось самое разношерстное общество. Рисовали съ женской модели (въ академіи тогда натурщицъ не было), играли въ карты, въ рулетку, ужинали и много пили. Всякій чувствовалъ себя свободно и весело.

XII.

Прошло больше года. Въ жизни Тимашевскаго никакихъ особенныхъ перемѣнъ не случилось. Та же комнатка у Дарьи Семеновны, тѣ же обѣды, тѣ же купеческіе портреты съ фотографій. Работая для куска хлѣба, Петя работалъ въ то же время для искусства. Талантъ его развивался, крѣпъ. За портретъ Ногтева ему присудили серебряную медаль. Написалъ онъ его подъ впечатлѣніемъ Рембрандта. Здѣсь были и горячія, сочныя краски, и рисунокъ, и большое сходство. Некрасивое лицо Ногтева Тимашевскій озарилъ той фанатической жизнью, той экзальтаціей, которая глубоко сидѣла въ невзрачномъ, худенькомъ юношѣ и такъ привлекала знавшихъ его близко.

О портретѣ говорили ученики и даже олимпійцы-профессора.

—Bon, bon, повторялъ чисто выбритый и пахнувшій одеколономъ Федоръ Ивановичъ.

—Да-съ, изволите ли видѣть, съ темпераментомъ писано и грамотность видна; а это главное— уронилъ скупой на похвалу, прямой, какъ жердь, не сгибавшійся Ламыкинъ.

Успѣхъ ободрилъ Тимашевскаго, далъ много счастливыхъ минутъ. Онъ началъ вѣрить въ свое дарованіе. Вѣчныя сомнѣнія, не на ложной ли онъ дорогѣ, не купилъ ли онъ цѣною тяжелыхъ испытаній и разрыва съ отцомъ права быть всего лишь тусклой посредственностью, какихъ тысячи,— утихли.

Недѣлю спустя, ректоръ пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

—Садитесь, молодой человѣкъ, я хочу давать вамъ одинъ заказъ. Одинъ почтенный генералъ— Федоръ Ивановичъ не могъ представить себѣ генерала „не почтеннаго“—Павелъ Павловичъ Сомовъ обратился ко мнѣ, чтобы я могъ ему рекомендовать молодого художника, который могъ бы написать портретъ его дочери съ натуры. Семейство

богатое и могутъ дать хорошее вознагражденіе. Я думаю, они могутъ дать сто рублей. Я немножко думалъ—выборъ мой падалъ на васъ.

Петя поклонился.

—Во-первыхъ, у васъ есть то, что французы называютъ le feu sacré!.... Только, пожалуйста, пишите деликатно, нѣжно. Шармъ, главное—шармъ. Женскіе портреты должны быть деликатные. А во-вторыхъ, вы умѣете держать себя, у васъ есть благородныя манеры. Это очень много значитъ. Не могу же я посылать на Гагаринскую набережную какого-нибудь мужлана. У васъ есть приличный сюртукъ?

—Есть.

—Bon, bon. Отправляйтесь завтра утромъ. Вотъ вамъ адресъ. Держите себя, какъ и подобаетъ молодому человѣку приличнаго воспитанія.

Тимашевскій готовъ былъ расцѣловать ректора. Хорошій старикъ; смѣшной, старосвѣтскій, но хорошій. Петя точно почувствовалъ къ себѣ самому больше уваженія. Онъ, ученикъ, еще не выходившій на первый конкурсъ, будетъ, шутка сказать, писать барышню изъ „высшаго общества". Пожалуй, красавицу. Даже навѣрное—красавица... Сто рублей казались громадной суммой. Сразу дѣла поправятся.

Тимашевскій подѣлился своей радостью съ Дарьей Семеновной, Пахоменкой и забѣжавшимъ—онъ каждый день забѣгалъ—Ногтевымъ.

—Ну, Петрусь для насъ теперь совсѣмъ погибъ, шутилъ Пахоменко:—какъ начнетъ пропадать въ этихъ самыхъ аристократическихъ салонахъ,—только мы его и бачили.

Умудренная жизнью, практическая Дарья Семеновна сосредоточилась главнымъ образомъ на внѣшности.

—Эти баре привыкли считать вашего брата-художника за какихъ-то обормотовъ несчастныхъ. Надо, чтобы все было чисто, ганцъ аккуратъ.

И, какъ любящая нянька, она занялась внимательнымъ осмотромъ Петинаго гардероба. Какую

сорочку надѣть, какой галстукъ. Усмотрѣвъ на рукавѣ сюртука пятнышко, Дарья Семеновна вывела его,—и слѣда не осталось.

Утромъ, когда Петя былъ въ полной парадной формѣ, чтобы итти на Гагаринскую набережную, старуха въ послѣдній разъ сдѣлала ему инспекторскій смотръ: обдернула сюртукъ, поправила воротничекъ, тронула непослушно вылѣзшій кончикъ галстука.

—Ну, теперь—молодецъ, не ударишь лицомъ въ грязь. Съ Богомъ. Вотъ развѣ пальто—собачьимъ лаемъ подбитое... Ну, его оставь внизу у швейцара.

Тимашевскій не раздѣлялъ мнѣнія Дарьи Семеновны и вовсе не чувствовалъ себя „молодцомъ хоть куда“. Платье дешевое, скверно сшито, и благодаря только стройной фигурѣ можетъ сойти за приличное. Грубые ботинки. Въ общемъ—костюмъ далеко не салонный.

Петя быстро шелъ по набережной. Въ той части города, гдѣ люди поздно ложатся и поздно встаютъ,—жизнь едва лишь просыпалась. Въ холодномъ солнечномъ воздухѣ съ упругимъ быстро убѣгающимъ скрипомъ мчались по бѣлому плотно спрессованному снѣгу одинокія кареты. Швейцары въ длинныхъ ливреяхъ лѣниво чистили дверныя ручки.

Въ глубокомъ вестибюлѣ Петя былъ охваченъ пріятнымъ тепломъ. Пылающія дрова потрескивали въ мраморномъ каминѣ. Пламя кидало отсвѣты на темную шкуру мохнатаго медвѣдя, что, поднявшись на дыбы у лѣстницы, скалилъ зубы.

—Генералъ дома, а только не знаю, примутъ ли они васъ, лѣниво и медленно отвѣтилъ мордастый швейцаръ, осматривая Тимашевскаго наглымъ, оскорбительнымъ взглядомъ.

Петя вспыхнулъ.

—Ваши соображенія можете оставить про себя. Отвѣчайте, о чемъ спрашиваютъ... Пальто.

—Что жъ, я къ случаю, мое дѣло сторона.

Петя осмотрѣлся въ каминное зеркало, обдернулъ сюртукъ, поправилъ вылѣзшій галстукъ и беззвучно двинулся вверхъ по рыхлой малиновой дорожкѣ широкой и отлогой лѣстницы.

Невысоко поднялся Петя—въ бель-этажъ, но сердце стучало, и дышалъ онъ порывисто. Сейчасъ распахнется передъ нимъ новый міръ, знакомый больше по наслышкѣ. Звонить онъ рѣшился не вдругъ...

Открылъ мальчикъ лѣтъ восьми, неестественно плечистый и стройный. Петя увидѣлъ часть большой передней съ темно-сѣрымъ сукномъ во весь полъ, вѣшалку съ генеральскимъ пальто и мѣховыми ротондами.

—Вамъ кого угодно? услышалъ онъ тоненькій пискливый дискантъ.

—Павелъ Павловичъ дома? Онъ ждетъ меня. Скажите: художникъ. Я—отъ профессора Обермиллера.

—Ихъ превосходительство—дома. Сейчасъ доложу. И странный мальчикъ, такой положительный и солидный, захлопнулъ дверь, оставивъ Тимашевскаго на площадкѣ. Дрогнули и смолкли гдѣ-то звуки рояля... Прошла минута, казавшаяся Петѣ получасомъ. Дверь отворилась настолько, что онъ могъ видѣть покрытое легонькой сѣтью морщинъ лицо мальчика.

—Ихъ превосходительство наказали явиться завтра. Сегодня они заняты, пропищалъ дискантъ. И молодой человѣкъ—вновь одинъ на площадкѣ.

Петя жарко покраснѣлъ, словно его сейчасъ оскорбили. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ это не оскорбленіе. Онъ пришелъ въ назначенное время,—его не принимаютъ. Затѣмъ—это „наказали явиться“...

Спускался онъ медленно, медленно. Стыдъ предъ швейцаромъ жегъ его.

—А, что,—поджалъ хвостъ, теперь, небось, хорохориться не будешь! казалось говорила вся его плотная, откормленная, расшитая галунами фигура. Петя чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Онъ су-

дорожно порылся въ кошелькѣ и ткнулъ рубль въ ловко подставленную пятерню,—свой послѣдній рубль...

—Нога моя здѣсь больше не будетъ! рѣшилъ Тимашевскій. Съ Гагаринской онъ вернулся пѣшкомъ на Островъ, зашелъ въ академію и разсказалъ все Федору Ивановичу.

Ректоръ успокаивалъ его.

—Не волнуйтесь, молодой человѣкъ, не волнуйтесь. Удерживайте себя въ рукахъ. Въ жизни надо приготовляться ко всему. Конечно, я немножко вамъ сочувствую, но мой вамъ отеческій совѣтъ,—сходить туда завтра. Нельзя такъ обижаться на почтеннаго генерала.

Весь день и весь вечеръ Тимашевскій оставался при твердомъ убѣжденіи—не итти. Съ этимъ и заснулъ. Но въ десять часовъ мордастый швейцаръ, сдѣлавшійся благосклоннымъ и почти нѣжнымъ,—рублевая подачка произвела на него впечатлѣніе—бережно снималъ съ него въ тепломъ вестибюлѣ подбитое „собачьимъ лаемъ“ пальто.

Опять странный мальчикъ, опять его тоненькій пискливый дискантъ. Но на этотъ разъ солидный человѣчекъ провелъ Тимашевскаго въ генеральскій кабинетъ.

Павелъ Павловичъ Сомовъ былъ строенъ, какъ молодой поручикъ. Чувствовалась желѣзная николаевская выправка. Тогда ковали особую породу людей, ковали крѣпко, до могилы. Генералъ встрѣтилъ молодого художника стоя и, смѣривъ холоднымъ тяжелымъ взглядомъ, протянулъ руку такъ, что кисть его съ твердыми пальцами превратилась вдругъ въ какую-то мягкую безкостую культяпку. Не успѣлъ прикоснуться къ ней Петя, тотчасъ же отдернулъ ее.

—Вотъ стулъ...

Тимашевскій сѣлъ.

—Ну-съ, не теряя дорогого времени... Уважаемый Федоръ Ивановичъ говорилъ въ чемъ дѣло. Хочу имѣть портретъ дочери. Можетъ-быть, сей-

часъ васъ и представлю. Генералъ взялъ съ письменнаго стола большой, треснувшій сверху до низу валдайскій колокольчикъ и оглушительно позвонилъ.—Видите, молодой человѣкъ, наставительно пояснилъ онъ:—своего рода реликвія этотъ даръ Валдая. Когда покойному Государю Николаю Павловичу благоугодно было послать меня въ Севастополь, этотъ колокольчикъ сопровождалъ меня всю дорогу; при самомъ въѣздѣ онъ далъ трещину... Въ четверо сутокъ—отъ Петербурга до Севастополя—тридцать восемь лошадей загнали...

Вошелъ мальчикъ. При яркомъ утреннемъ свѣтѣ Тимашевскій увидѣлъ, что это не мальчикъ, а карликъ. Но не безобразный, какъ обыкновенно, а весь пропорціональный и даже красивый.

—Егоръ Захарычъ, поди узнай, готова ли ея превосходительство Елена Павловна? Если—да, скажи, что я просилъ пожаловать въ кабинетъ.

—Сію минуту, ваше превосходительство, пропищалъ, исчезая, карликъ,

И генералъ, и кабинетъ съ прямой строгой кожаной мебелью, и валдайскій колокольчикъ, и Егоръ Захарычъ—все это было ново и необычно для Пети. Здѣсь, въ этомъ холодномъ неуютѣ, онъ сознавалъ себя такимъ чужимъ, ненужнымъ...

На широкой приземистой тумбѣ краснаго дерева, подъ стеклянным колпакомъ, на голубомъ плюшѣ лежали симметрично четыре окованныхъ серебромъ лошадиныхъ копыта. Перехвативъ устремленный на нихъ взглядъ Тимашевскаго, генералъ счелъ нужнымъ пояснить:

—Тоже реликвія:—на лошади, которой принадлежали эти копыта, мой покойный отецъ сдѣлалъ всю венгерскую компанію.

Петя молча кивнулъ головой.

Генералу не понравилось, что молодой человѣкъ такъ мало проявилъ вниманія къ венгерскому походу его отца и копытамъ-реликвіямъ.

—Завтра можете за работу?

—Могу; но мнѣ хотѣлось бы сначала посовѣто-

ваться съ Еленой Павловной относительно туалета Если она будетъ добра показать мнѣ свои платья, чтобы выбрать то, которое болѣе художественно и болѣе къ лицу.

Генералъ высокомѣрно поднялъ брови.

—Что такое? Не много ли вы на себя берете, молодой человѣкъ?

Петя вспыхнулъ.

„Уйти развѣ, пока не поздно“ мелькнуло у Тимашевскаго; но какое-то любопытство приковывало его къ стулу.

Уже дома, и днемъ и вечеромъ вспоминая моментъ появленія Елены Павловны, Тимашевскій не могъ представить себѣ его ясно. Скорѣй это былъ рядъ отрывочныхъ впечатлѣній.

Онъ слышалъ,—кто-то легко бѣжалъ по коридору мелкими частыми шагами, бѣжалъ шелестя платьемъ. Распахнулась дверь... Не замедляя своего шелестящаго бѣга, дѣвушка очутилась посрединѣ комнаты, запнулась вдругъ и медленно покраснѣла.

—Какая, правда, я — неисправимая. Папочка, вѣрно?—и съ простой наивной дѣтской граціей обнявъ генерала, она поцѣловала его въ високъ.

—Здравствуй, Леночка. Вотъ господинъ художникъ, авторъ твоего будущаго портрета.

Леночка довѣрчиво протянула Петѣ руку.

Генералъ постукивалъ ногой. Усы шевелились. Онъ былъ недоволенъ, зачѣмъ Леночка поздоровалась за руку съ этимъ молодымъ человѣкомъ.

—А это очень страшно—позировать? Я думаю, страшно. Сидѣть, не шелохнувшись. Я буду стараться. Я еще никогда не позировала. Ну, фотографія—не въ счетъ. А вы строги?

—Леночка, ты завтра съ утра свободна? перебилъ ее генералъ.—Свободна? Завтра можно и начинать! Отлично! Завтра, молодой человѣкъ, прошу, захватите всѣ эти ваши тамъ инструменты. Леночка, оставь насъ,—и Сомовъ незамѣтно очучился между Тимашевскимъ и дочерью.

Но Леночка сдѣлала видъ, что не замѣтила

этого маневра, и, обойдя, простилась съ Петей за руку.

—Сто рублей! утвердительно сказалъ генералъ, оставшись вдвоемъ съ Тимашевскимъ.

—Да, сто, тихо повторилъ Петя, испытывая неловкость, которую всегда ощущалъ, говоря о деньгахъ.

—Тетя Соня, тетя Соня? слышался гдѣ-то звонкій голосъ Леночки.

—Не смѣю удерживать...

Петя откланялся.

Кромѣ генерала и Леночки, семья состояла еще только изъ двухъ человѣкъ: генеральши Людмилы Афанасьевны и тети Сони. Людмила Афанасьевна, рыхлое, безцвѣтное существо, какъ-то стушевывалась. Ея никто не замѣчалъ.

Совершенно въ другомъ родѣ была дальняя родственница Сомовыхъ—тетя Соня. Никто не зналъ въ точности, чья она троюродная сестра, Людмилы Афанасьевны или генерала. Но, несмотря на это, она, почти приживалка, умѣла внушить къ себѣ уваженіе всѣхъ, тоскливое, недоброжелательное, но уваженіе несомнѣнное. И даже самъ генералъ слегка побаивался тети Сони.

Поджарая, прямая, какъ англичанка, вѣчно затянутая въ корсетъ, тетя Соня производила впечатлѣніе закованной въ броню. Все въ ея міросозерцаніи рѣзко дѣлилось на двѣ опредѣленныя части: „принято“ и „не принято“. Леночка и близкіе знакомые Сомовыхъ часто играли на этой слабой стрункѣ тети Сони. Но она съ упрямствомъ завзятой фанатички неуклонно продолжала гнуть свою линію. Много жестокаго было въ натурѣ тети Сони. Единственнымъ существомъ, къ которому тетя Соня питала что-то похожее на любовь и привязанность, была Леночка. И потому, что тетя Соня любила племянницу, особенно рьяно старалась она изловить ее на каждомъ шагу въ словечкахъ, выходкахъ и поступкахъ, имѣющихъ

гораздо болѣе общаго съ „непринятымъ“ чѣмъ съ „принятымъ“.

—Какой-то кавказскій джигитъ, а не барышня общества, сокрушалась тетя Соня.

Но Леночка пропускала мимо маленькихъ, розоватыхъ ушей эти скучныя сѣтованія и попрежнему была легкомысленнымъ, эксцентричнымъ полуребенкомъ, ронявшимъ вслухъ короткія, быстро бѣгущія одна за другой мысли.

—Ахъ, тетя Соня, какъ я рада. Первый разъ въ жизни видѣла настоящаго живого художника.

Костлявыми, узловатыми пальцами тетя Соня привела на груди племянницы въ симметрію концы серебристо-зеленаго шарфика.

—Дитя мое, ты опять бѣгаешь? Ну, развѣ можно такъ бѣгать. Тебѣ не восемь лѣтъ, а восемнадцать.

Племянница смотрѣла на тетю широкимъ яснымъ взглядомъ.

—Тетя Соня, а развѣ бѣгать тоже не принято?

—Конечно. Движенія барышни должны быть спокойны, плавны...

—Но, это скучно, тетя Соня.

—Что дѣлать? Жизнь такая трудная и сложная вещь, налагаетъ такія серіозныя обязанности, что думать объ одной веселости нельзя.

—А Лермонтовъ другого мнѣнія, тетя Соня. „И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—такая пустая и глупая шутка“...

Тетя Соня презрительно улыбнулась.

—Ну, твой Лермонтовъ... Нашла авторитетъ. Пьянствовалъ и воспѣвалъ свою няню. Потомъ это... про саранчу: „Саранча летѣла и сѣла“...

—Это—Пушкинъ, тетя Соня...

—Не все ли равно? Оба невозможно вели себя, и обоихъ застрѣлили... Ну, что твой художникъ? Лохматый, грязный?...

—Вы ошибаетесь, тетя... Чистенькій, приличный, воспитанный...

—Ну, это мы еще увидимъ! зловѣще нахмурилась тетя Соня: увидимъ. Художниковъ нѣтъ воспитанныхъ.

—Тетя Соня, а это ничего, это принято? съ озабоченнымъ видомъ спросила Леночка:—я ему подала руку.

—Конечно—не принято... Кто онъ такой? Мастеровой, которому заказываютъ... И, навѣрное—сынъ дьячка.

XIII.

Пріемъ генерала обвѣялъ Петю такимъ оскорбительнымъ холодомъ, что у него вторично явилось желаніе поставить на этомъ заказѣ крестъ и не являться больше на Гагаринскую. Но въ то же время молодой художникъ убѣждалъ себя: „Какое мнѣ дѣло до генерала? Я вошелъ въ его домъ не въ качествѣ знакомаго. Его отношеніе не можетъ оскорбить меня. Онъ—давалецъ, я—рабочій. Мнѣ предлагаютъ интересную модель, еще платятъ за это“...

—Ну, что? Какъ? спрашивали его Дарья Семеновна и Пахоменко.

Петя подробно разсказалъ все, слегка смягчивъ однако истину. Онъ придалъ всему визиту юмористическую окраску, остановившись, главнымъ образомъ, на реликвіяхъ: валдайскомъ колокольчикѣ и подкованныхъ серебромъ копытахъ коня генеральскаго папаши.

—Ото дурень! сплюнулъ Пахоменко: — подумаешь, чѣмъ занимается. Былъ бы еще конь Наполеона или Суворова...

Утромъ къ дому, гдѣ жили Сомовы, Петя подъѣхалъ на извозчикѣ. Видя, что создались какія-то отношенія между квартирой превосходительныхъ жильцовъ и молодымъ человѣкомъ, швейцаръ помогъ снести на верхъ складной мольбертъ, подрамокъ съ чистымъ холстомъ, ящикъ съ красками и весь этотъ багажъ сдалъ Егору Захарычу.

Одну изъ безымянныхъ комнатъ, всегда суще-

ствующихъ въ барскихъ домахъ безъ какого-нибудь опредѣленнаго назначенія, тетя Соня рѣшила на время обратить въ мастерскую. Это была прежняя классная Леночки съ давно осиротѣвшей, забытой партой, черной доской, большимъ, какъ южный арбузъ, глобусомъ и нѣмыми картами на стѣнахъ. Но, испещривъ эти карты надписями, карандашъ Леночки сдѣлалъ ихъ говорящими.

Тетя Соня была уже на своемъ посту. Прямая, затянутая въ корсетъ, сидѣла она съ желтенькимъ томикомъ какого-то чрезвычайно благонравнаго и скучнаго французскаго романа. Тимашевскаго встрѣтилъ инквизиторскій длительный взглядъ, и отвѣтомъ на его поклонъ былъ чуть замѣтный кивокъ.

Леночка—вся въ бѣломъ. Короткая нерѣшительность, умоляющій взглядъ на тетю Соню—и она поздоровалась съ Петей за руку. Тетя Соня сжала свои сухія тонкія губы.

—Ну, вотъ и я. Честное, слово, мнѣ страшно. Я сяду за парту, хорошо? Какъ ученица... Нѣтъ... Я шучу... Не надо... Надоѣла мнѣ эта парта смертельно...

—Будьте добры сѣсть на стулъ, вотъ сюда, улыбаясь сказалъ Петя.

Петя долго усаживалъ Леночку, ища благодарнаго освѣщенія и выгодныхъ линій. Свою „точку“, откуда удобнѣе писать, онъ тоже нашелъ не сразу.

Петя утвердилъ мольбертъ, на немъ подрамокъ, а на сосѣднемъ стулѣ разложилъ ящикъ съ металлическими флакончиками красокъ и палочками угля. Затѣмъ, вспомнивъ что-то, приблизился къ доскѣ, взялъ оттуда уцѣлѣвшій Богъ вѣсть почему кусокъ мѣла и обвелъ имъ ножки стульевъ Леночкина и своего.

—Это зачѣмъ? не выдержала тетя Соня.

Вопросъ показался ему нелѣпымъ. Такихъ простыхъ вещей не знаетъ.

—Чтобъ на слѣдующій сеансъ сохранить тѣ же мѣста съ тѣмъ же освѣщеніемъ.

Пожавъ плечами, тетя Соня сказала Леночкѣ по-французски:

—Вотъ кривляка. Развѣ нужны такія ухищренія настоящему художнику. Быть можетъ, онъ воображаетъ, что ему за это увеличатъ плату.

Леночка опустила глаза.

Петя не выдержалъ. Дрожащимъ голосомъ, но чистымъ французскимъ языкомъ онъ отвѣтилъ тетѣ Сонѣ:

—Извините, сударыня, но въ подобномъ случаѣ безъ этого никакъ не обойтись художнику. А что до платы, то я не принялъ бы предложенія, если бы не считалъ ее удовлетворительной...

Не взирая на свою незыблемую прямолинейность, тетя Соня такъ и подалась впередъ.

—Вы говорите по-французски!

Больше ничего не нашлась сказать.

Леночка звонко смѣялась откровеннымъ смѣхомъ. Она торжествовала за Петю и гордилась имъ, точно онъ былъ ей братъ.

Тетя Соня выпрямилась, обратилась въ прежнюю тетю Соню и, поджимая губы, съ холоднымъ злымъ лицомъ сказала въ пространство:

—Одно изъ двухъ: или мы будемъ рисовать, или смѣяться. Для послѣдняго у меня нѣтъ никакого желанія и я предпочту лучше удалиться.

—Не буду больше, честное слово, не буду. Вотъ увидите. Съ этого момента я—самая благонамѣренная паинька. Сижу, не шелохнувшись.

Ровный утренній свѣтъ заливалъ бѣлую тонкую фигуру Леночки въ волнистыхъ легкихъ оборочкахъ и рюшкахъ.

—Хорошо, щуря глазъ и всматриваясь повторялъ Петя:—но нельзя ли замѣнить этотъ бѣлый шарфикъ другимъ...

Тетя Соня насторожилась.

—...Краснымъ. Это было бы красиво по пятну: онъ давалъ бы на лицѣ интересные розоватые рефлексы.

—Краснымъ? возмутилась тетя Соня: но, вѣдь, для молодой дѣвушки это...

—Не принято? сорвалось невольно у Пети.

Постучалъ въ дверь и вошелъ крохотный Егоръ Захарычъ въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ.

—Завтракъ поданъ.

Леночка пожала Тимашевскому руку, словно извиняясь, что онъ не можетъ остаться у нихъ завтракать и что если бы это зависѣло отъ нея...

Петя тоскливо взглянулъ на холстъ, такой же чистый, какимъ онъ выѣхалъ изъ дому.

На слѣдующій день, въ присутствіи вѣрной своему „святому посту“ тети Сони, Леночка позировала въ красномъ шарфикѣ. По тогдашней модѣ, свѣтлыя косы дѣвушки вѣнчали ея головку золотистой короной. Черная бархатка кольцомъ оттѣняла ихъ.

Набрасывая контуръ, Петя вдругъ остановился.

—Елена Павловна, вы очень дорожите этой прической?

—А что?

—Она тяжела; она не гармонируетъ съ вашимъ обликомъ.

Углубленная въ чтеніе, тетя Соня подняла голову.

—Не гармонируетъ? Можно измѣнить, покорно согласилась Леночка.—Но какъ же?

—А вотъ я сейчасъ попробую.

И на отдѣльномъ листѣ бумаги Тимашевскій нарисовалъ двѣ головки, по-своему причесавъ ихъ. Эти свободно пущенныя и волнистыя пряди, перехваченныя небрежно-красивымъ узломъ на затылкѣ, удивительно шли къ нѣжному юному личику дѣвушки!

—Можно посмотрѣть? Ай, какъ хорошо! Тетя Соня, вотъ славно!

Но тетя Соня не раздѣлила восторговъ племянницы.

—Можетъ быть, это и хорошо для кого-нибудь другого, но для дочери Павла Павловича Сомова— это слишкомъ кричитъ...

Леночка взглянула на нее умоляюще.

—Я высказала свое мнѣніе и только. Я не заказывала портрета и не въ правѣ требовать. Послѣднее слово за папой. Какъ онъ рѣшитъ, такъ и будетъ. Если онъ утвердитъ эту... прическу... Вы разрѣшите мнѣ? съ преувеличенной вѣжливостью спросила Тимашевскаго тетя Соня, указывая глазами на рисунокъ и протягивая костлявые пальцы.

Леночка омрачилась.

—Ну, теперь пиши пропало! вырвалось у нея.

—Кто такъ говоритъ, Helêne! Я сейчасъ вернусь. И тетя Соня велиачво удалилась.

Молодой художникъ чувствовалъ себя преглупо. Къ тому же Леночка вотъ-вотъ расплачется. Она хрустѣла пальцами, повторяя тоскливо:—Всегда такъ, всегда...

Тетя Соня вернулась торжествующая:—Генералъ не утвердилъ, сказала она, обращаясь къ Тимашевскому и дѣлая на словѣ „генералъ“ удареніе.

На свѣтлыхъ глазахъ Леночки вдругъ выступили крупныя слезы.

—Ну, конечно, конечно, я такъ и знала. Нѣтъ, я сама пойду къ папѣ... Рисунокъ тамъ, у него... Я ему докажу...

Дѣвушка, шурша платьемъ, исчезла за дверью. И классная вдругъ потемнѣла и стало скучно. Съ маской безстрастія углубилась тетя Соня въ прерванное чтеніе.

Петя продолжалъ набрасывать контуръ „по впечатлѣнію“. Шелестѣли страницы французскаго романа... Прошло минутъ десять. Дробный, торопливый бѣгъ легкихъ шаговъ,—распахнуласъ дверь... Леночка сіяла сквозь слезы.

—Утвердилъ! утвердилъ! утвердилъ!.. Наша взяла...

Тетя Соня сдѣлала видъ, что не слышитъ и не желаетъ слышать.

XIV.

Тимашевскій умышленно затягивалъ время, далеко не спѣша съ Леночкинымъ портретомъ. Каждаго сеанса онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ; и вдругъ оборвать все это было бы тяжело.

Сидя въ классной за мольбертомъ, онъ испытывалъ странное чувство. Онъ думалъ: „Вотъ теперь я вижу ее почти каждый день. Я изучилъ до мельчайшихъ подробностей ея лицо, фигуру и, кажется, душу. Но когда я брошу на холстъ послѣдній мазокъ, и генералъ заплатитъ мнѣ мои сто рублей, она, эта юная прекрасная дѣвушка, умретъ для меня. Навѣрное, я никогда больше ея не увижу, не буду говорить съ ней, не буду слушать ея звонкаго смѣха“...

Но какъ ни растягивалъ Петя сеансы, а портретъ близился къ концу.

—Пора и точку, сказалъ однажды генералъ.

Обладавшая дьявольскимъ терпѣніемъ тетя Соня высиживала въ классной все время писанія портрета. Входя, Тимашевскій уже заставалъ ее на посту, съ желтенькимъ томикомъ. Тетя Соня пересиживала его, и не было никакой возможности, хоть на мгновеніе, остаться съ Леночкой съ глазу на глазъ. А обоимъ, и ему и ей, этого сильно хотѣлось.

Портретъ всѣмъ нравился—даже требовательной тетѣ Сонѣ. Впрочемъ, онъ и не могъ не нравиться. Леночка не только была похожа, она была какъ живая со своей улыбающейся головкой избалованнаго ребенка. И сочиненная Петей фантастическая прическа шла къ ней, шло яркое пятно алаго шарфика, отъ котораго такимъ красивымъ, теплымъ тономъ розовѣли нѣжная шея и личико.

Но портретъ самъ по себѣ, а его авторъ—самъ по себѣ. Портретъ нравился на Гагаринской, а художникъ—нѣтъ.

Однажды вечеромъ Егоръ Захарычъ привезъ Тимашевскому на квартиру сто рублей и отъ имени

генерала передалъ на словахъ, что портретъ оконченъ и больше сеансовъ не будетъ.

Прекращеніе сеансовъ, да еще въ такой оскорбительной формѣ, было острымъ ударомъ для Тимашевскаго. Скажи ему до этого вечера кто-нибудь, что онъ нигдѣ больше не увидитъ Леночку, онъ ужаснулся бы. И вдругъ является карликъ съ деньгами, не въ конвертѣ, а просто „изъ кармана“— станутъ еще церемониться,—и говоритъ „портретъ конченъ“...

Черезъ нѣсколько дней Петя получилъ въ академіи Леночкино письмо, закапанное слезами,— безсвязный, милый лепетъ. Онъ самъ плакалъ слезами радости и горя, перечитывалъ письмо и цѣловалъ его... Вспыхивали самые безумные планы. Хотѣлось мечтать о сказочномъ, невѣроятномъ счастьѣ...

Но наступала минута трезвости, начиналъ говорить разсудокъ, и жизнь казалась ему искалѣченной, разбитой, загубленной...

XV.

Прошло четыре года.

Торжественный актъ въ академіи художествъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ предыдущихъ актовъ. Тотъ же круглый конференцъ-залъ, тотъ же совѣтъ въ мундирахъ, лентахъ и звѣздахъ, академическая молодежь на кожаныхъ скамьяхъ. И даже-съ обычнымъ, какъ всегда, подобострастнымъ жестомъ протянулъ инспекторъ бумаги конференцъ-секретарю.

Но сегодня Тимашевскій все видѣлъ иначе, по другому. Въ душѣ его былъ яркій праздникъ. Круглый залъ никогда не казался ему такимъ величественнымъ и вмѣстѣ такимъ благожелательнымъ къ нему, Тимашевскому. Мундиры членовъ совѣта казались особенно блестящими, точно всѣ ихъ заново сшили къ этому знаменательному для Пети моменту.

Неподвижная, глубокая тишина. Никто не кашлянулъ даже. Та особенная, напоминающая храмъ тишина, что воцаряется,—именно „воцаряется“—въ присутствіи очень высокопоставленныхъ людей.

Монотонное чтеніе доклада.

Ровно, безъ переливчатой свѣтовой игры мерцали звѣзды на военныхъ и гражданскихъ мундирахъ подъ спокойное, усыпляющее чтеніе секретаря.

Длинный докладъ казался Тимашевскому и лишнимъ, и скучнымъ. Кому нужны, спрашивается, эти подробности, цифры? Тимашевскому не сидѣлось; онъ двигался, сжималъ руками скамейку, думая, что этимъ торопитъ медлительное чтеніе. Такъ спѣшащій куда-нибудь сѣдокъ машинально подается всѣмъ тѣломъ впередъ, желая ускорить ходъ извозчичьей пролетки.

Единственное мѣсто въ докладѣ Тимашевскій считалъ и серіознымъ и необходимымъ и насторожился весь и застылъ въ какомъ-то мутящемъ разсудокъ безсиліи, когда секретарь по прежнему монотонно и безстрастно читалъ:

—За программу „Муцій Сцевола въ станѣ этрусскаго царя Порсены“ историческіе живописцы: Лось Сигизмундъ, Ногтевъ Григорій и Тимашевскій Петръ удостоены большихъ золотыхъ медалей и пенсіона за границу, срокомъ на четыре года.

Секретарь сложилъ докладъ и покинулъ кафедру.

Бритый, крѣпкій старикъ со звѣздой властнымъ отчетливымъ голосомъ вызвалъ:

—Сигизмундъ Лось.

Инспекторъ выразительно глянулъ на хоры. Военный капельмейстеръ взмахнулъ палочкой и громкіе, бодрые, торжественные звуки туша наполнили конференцъ-залъ и, упругіе, стройные поплыли дальше—въ рафаэлевскій и тиціановскій залы. И генералы, сановники, дамы, академисты, служители у дверей—всѣ почувствовали себя вдругъ живѣе, моложе, красивѣе.

Отъ скамейки перваго ряда эластично отдѣлилась фигура изящнаго молодого человѣка. Новый, сшитый ко дню акта фракъ ловко сидѣлъ на немъ. Мягкой, безшумной и вмѣстѣ увѣренной поступью вплотную приблизился Сигизмундъ Лось къ зеленому столу и сдѣлалъ общій поклонъ. Въ этомъ была и оффиціальная почтительность и какая-то неуловимая свѣтскость. Конференцъ-секретарь пожалъ ему руку и протянулъ большую золотую медаль въ кожаномъ футлярѣ. Дамы съ удовольствіемъ лорнировали молодого живописца. А онъ съ такимъ же оффиціально-свѣтскимъ поклономъ и той же мягкой увѣренной походкой отправился на свое мѣсто. И сразу безошибочно угадывалось будущее элегантнаго Лося,—ясное, прочное, сытое, безъ тревогъ, колебаній, сомнѣній...

—Ногтевъ Григорій.

Опять музыканты грянули тушъ.

—Тимашевскій Петръ.

Тимашевскій метнулся, вскочилъ, обдернулъ сюртукъ и, смущенный, весь красный, подошелъ къ конференцъ-секретарю. Скромная фигура, сбившійся въ сторону галстукъ.

Когда онъ получалъ изъ рукъ секретаря медаль и смотрѣлъ въ его свѣжее, розовое лицо, онъ простилъ этимъ человѣку все, что слышалъ про него дурного. Тимашевскій, полный своимъ головокружительнымъ счастьемъ, сѣлъ, не зная, куда дѣвать футляръ.

Тимашевскій очнулся, когда конференцъ-залъ уже опустѣлъ, и съ дѣловитымъ озабоченнымъ видомъ служителя уносили покрытые зеленымъ сукномъ столы, теперь ненужные, лишніе, а еще за нѣсколько минутъ казавшіеся чѣмъ-то весьма необходимымъ и важнымъ.

Программы всѣхъ трехъ медальеровъ были выставлены рядомъ. Около нихъ—съ изящной простотой одѣтыя женщины. Пахло духами, слышалось французское щебетанье.

Картина Лося съ перваго взгляда затмевала

картины Тимашевскаго и Ногтева какъ величиной, такъ и сложностью композиціи и яркостью сочныхъ красокъ. Но не было жизненной правды ни въ пейзажѣ, ни въ группировкѣ; не было трагизма. Чисто выбритый Муцій Сцевола стоялъ у пылающаго жертвенника съ протянутой рукой, въ театральной позѣ собирающагося говорить избалованнаго успѣхомъ адвоката. Не даромъ же для Муція позировалъ живописцу модный присяжный повѣренный Лобачъ, красавецъ, котораго называли „римляниномъ временъ упадка". Пламя охватило руку Муція, но ему—хоть бы что. Бѣлая, тонкая, она щеголяла хорошимъ рисункомъ пальцевъ и законченностью моделировки.

Изумленный Порсена въ пурпурной тогѣ откинулся назадъ, какъ это дѣлаютъ оперные короли. На землѣ Лось аккуратно разложилъ трупъ убитаго царскаго секретаря. Человѣкъ десять этрусскихъ воиновъ, въ которыхъ безъ труда можно было узнать трехъ академическихъ натурщиковъ, застыли вокругъ въ классическихъ позахъ. За исключеніемъ людей, здѣсь все было живое: щиты, шлемы, доспѣхи и матерчатые шатры этрусскаго лагеря на второмъ планѣ.

—Превосходно, превосходно! повторяла моложавая сорокалѣтняя дама.—Это красавецъ Лобачъ?

—Да, сударыня, почтительно отвѣтилъ ей сіяющій Лось. Онъ успѣлъ уже получить выгодный портретный заказъ. Передъ нимъ раскрывались двери тѣхъ гостиныхъ, о которыхъ онъ давно мечталъ...

Тимашевскій и Ногтевъ конфузливо, точно виноватые, жались къ стѣнѣ.

Все свое вниманіе Тимашевскій обратилъ на экспрессію. Околичности онъ выписалъ ровно настолько, насколько было нужно. Зато его Муцій съ обуглившейся рукой, съ нѣмымъ страданіемъ въ глазахъ и некрасивымъ отъ боли, подергивающимся лицомъ внушалъ ужасъ...

У картины остановились два старичка-профессора. Тимашевскій прислушался.

—Вотъ это, изволите ли видѣть, настоящій, Богомъ данный талантъ.

—Слѣдокъ вонъ у того воина прихрамываетъ.

—Что—слѣдокъ! Въ общемъ рисовано хорошо. Смотрите, лица какія! Да-съ, изволите видѣть, какъ посмотришь на это,—вспомнишь, сколько мы надѣлали въ свое время глупостей. Какія лица, посмотрите:—каждое по-своему думаетъ, живетъ...

Тимашевскій готовъ былъ расцѣловать прямого, какъ палка, семидесятилѣтняго старика. Если даже такого закоренѣлаго классика захватила написанная совершенно не въ его духѣ программа,—значитъ, дѣйствительно хорошо.

XVI.

Въ былое время окончившіе академію художествъ съ большой золотой медалью, отправлялись за границу пенсіонерами на четыре года. Пенсіонерство считалось рѣшающимъ судьбу, громаднымъ событіемъ въ жизни молодого художника. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ заманчивыхъ перспективъ: полная матерьяльная обезпеченность, знакомство съ лучшими художественными центрами запада, богатство новыхъ интересныхъ впечатлѣній и всѣ удобства для работы и совершенствованія.

Первые дни послѣ торжественнаго акта Ногтевъ и Тимашевскій ходили въ какомъ-то горячемъ мутнящемъ разсудокъ туманѣ. Съ трудомъ вѣрили они своему счастью. Дѣйствительность казалась обманчивымъ сномъ. Еще двѣ-три недѣли — и поѣздъ умчитъ ихъ въ Парижъ. Они запасались путеводителями, изучали планъ Парижа. Тимашевскій училъ Ногтева французскому языку, вѣрнѣе, тѣмъ обиходнымъ вопросамъ и фразамъ, безъ которыхъ не обойтись.

У Пети явилось желаніе подѣлиться своей огромной радостью съ отцомъ, съ которымъ онъ не переписывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ этомъ

желаніи далеко не послѣднюю роль играло чувство хорошей, благородной, весьма понятной гордости. Самъ, никому не обязанный, создалъ онъ себѣ положеніе, создалъ свое будущее. Медальеръ и пенсіонеръ академіи—это уже единица, съ которой считаются. Узнавъ объ успѣхѣ сына, упрямый генералъ долженъ перемѣнить о немъ свое мнѣніе, какъ о сбившемся съ пути неудачникѣ, обреченномъ на голодное прозябаніе.

Петя написалъ въ Бесаги и съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта.

Письмо было длинное и совсѣмъ другое, чѣмъ предполагалъ Тимашевскій.

Отецъ писалъ:

„Долго я сносилъ свой и твой позоръ. Но теперь не въ моготу стало. Сначала я думалъ, все это баловство, блажь, ты вернешься и сдѣлаешься человѣкомъ, но теперь я вижу, что съ полученіемъ медали ты намѣренъ навсегда остаться у своихъ художниковъ. Не могу я больше терпѣть этого. Ты мыслишь, отецъ—извергъ, тиранъ. А думаешь, легко мнѣ было знать, что ты находишься въ бѣдственномъ положеніи. Но я пересталъ бы уважать себя, если бъ нарушилъ данное себѣ слово и протянулъ бы тебѣ руку помощи.

„Выслушай меня внимательно. Вотъ мое послѣднее слово. Сдѣлаешь по-моему — желанный сынъ и другъ. Ослушаешься,—знать не хочу, прокляну, на смертномъ одрѣ не прощу. Я старъ становлюсь. Нужна опора, нуженъ близкій человѣкъ возлѣ. Какъ тебѣ, вѣроятно, извѣстно, твой братъ, а мой сынъ—Алексѣй занимаетъ постъ вице-губернатора. Это человѣкъ большихъ способностей и недюжиннаго ума. Передъ нимъ раскрывается карьера. Ему не до меня. Большому кораблю—большое и плаванье. А ты,—не обижайся, Петръ,—ты неудачникъ. Твоя большая золотая медаль, какъ ты пишешь, ничего не доказываетъ. Итакъ, выбирай. Либо можешь отправляться себѣ за границу и тогда забыть о моемъ существованіи, либо возвра-

щайся въ Бесаги, живи и служи, какъ подобаетъ дворянину.

„Если же я былъ виноватъ предъ тобой,—кто не грѣшенъ,—не сердись на меня, старика. Я лучше знаю твою пользу, чѣмъ ты“.

Съ трудомъ дочиталъ Петя письмо до конца. И когда промелькнула въ глазахъ послѣдняя строчка, руки его вдругъ сдѣлались чужими, тяжелыми, а мелко исписанный старосвѣтскимъ почеркомъ листокъ бумаги выскользнулъ изъ пальцевъ.

Ему было жарко, онъ покраснѣлъ отъ тѣхъ оскорбленій, которыя безсознательно швырнулъ ему отецъ. Онъ съ какимъ-то самобичующимъ любопытствомъ, внимательно запоминая каждое слово, перечиталъ тѣ мѣста, гдѣ его оскорбляли.

„Отецъ всюду старается сравнить меня съ Алексѣемъ, къ моей невыгодѣ. Разумѣется, въ его глазахъ ничтожный офицерикъ—дороже и цѣннѣе художника. Я—неудачникъ. Почему же академія рѣшила затратить на меня двѣнадцать тысячъ? Почему же о моей программѣ писали въ газетахъ и хвалили ее, предрекали мнѣ блестящую будущность? Развѣ такъ поступаютъ съ неудачниками? Узкій, ограниченный старикъ! Ему никогда не понять меня.

Тимашевскій поднялъ письмо и, судорожно комкая его, заходилъ по комнатѣ.

Влетѣлъ сіяющій Ногтевъ.

—Все готово. Денька черезъ три тронемся. Сейчасъ—отъ Лося. Мечтаетъ о берлинскихъ воротничкахъ и парижскихъ галстукахъ. Ему—что! Изъ Берлина въ Дрезденъ—на поклонъ къ Рафаэлю, потомъ въ Мюнхенъ, Парижъ. Идетъ? Годится такой маршрутъ?.. Эге! перемѣнилъ тонъ Ногтевъ, пристально вглядываясь въ Тимашевскаго.—Что съ тобой, дружище?

Петя молча протянулъ ему скомканное письмо.

Ногтевъ прочелъ безъ единаго слова и остановилъ на пріятелѣ пытливый взглядъ.

—Ай да—старикъ! Вотъ расписалъ! Все ли у него въ порядкѣ? Ты, дружище, не обижайся на меня, ради Бога, а только такія письма могутъ писать либо дикари, либо... Онъ поднесъ палсцъ ко лбу.

—Я нисколько не обижаюсъ, но ты—не правъ. Онъ—не дикарь и не сумасшедшій. Онъ просто сынъ своего времени, конечно,—самый заурядный. Чуть ли не съ колыбели его муштровали николаевской муштрой и напитывали дворянскими традиціями. Или военный, или проживающій свои доходы помѣщикъ, на худой конецъ,—приличная, гражданская служба. Внѣ этого—ничего. Артистъ, музыкантъ, живописецъ—все это, по ихъ понятіямъ—худородные наемники, хотя бы и талантливые, существующіе на бѣломъ свѣтѣ для того, чтобы услаждать барскій слухъ и барскій взглядъ. Судить его строго нельзя. Виновата среда, атмосфера...

—Все это хорошо, перебилъ Ногтевъ.—Вотъ вопросъ теперь самый важнецкій. Что ты намѣренъ дѣлать: ѣдешь ли ты, чортъ возьми? Я уже начинаю бояться.

—Что за вздоръ. Конечно, ѣду!

—Ой, смотри, не нравится мнѣ твой тонъ. Вдругъ поѣдешь да не туда, куда слѣдуетъ. Смотри, Тимашевскій...

Всю ночь Тимашевскій не могъ сомкнуть глазъ. Онъ думалъ тревожно, лихорадочно, зажигалъ свѣчу и много разъ перечитывалъ отцовское письмо. Теперь онъ перечитывалъ его съ другимъ чувствомъ, чѣмъ днемъ. Онъ мучительно цѣплялся за тѣ короткія туманныя мѣста, гдѣ, при желаніи, можно было угадать неясные намеки на родительскую любовь.

А кто-то нашептывалъ ему издалека:

„Зачѣмъ платить зломъ за зло. Если онъ, по слѣпотѣ своей, былъ жестокъ,—не надо, въ свою очередь, ожесточаться, надо, простить“.

На другой день Тимашевскій сказалъ Григорію Ногтеву, не глядя на него, и тихо, чуть слышно:

—Я не поѣду съ тобой за границу...

—Что такое?! Что ты сказалъ?!.—Да ты ошалѣлъ, обезумѣлъ?. Почему не поѣдешь?

—Мнѣ жаль отца. Онъ—одинокій, старый. Его никогда, никто не любилъ. Ему тяжело будетъ умирать одному.

Григорій всплеснулъ руками.

—Послушайте его, что онъ говоритъ! Тимашевскій, ты издѣваешься надо мной? Вспомни наши планы. Вѣдь ты губишь себя. Что же ты намѣренъ, по крайней мѣрѣ, дѣлать?

—Поѣду къ отцу. Буду писать картины. Думаешь, отстану отъ живописи? Увидишь, каждый годъ буду присылать на академическую выставку.

—А за границу?

—Потомъ... еще успѣю... Я молодъ, а онъ старъ.

Ногтевъ повалился въ изнеможеніи на стулъ.

—Не ожидалъ отъ тебя! Зарѣзалъ, безъ ножа зарѣзалъ...

Вдругъ онъ порывисто вскочилъ. Глубоко сидѣвшіе глаза его горѣли.

—Ну, вотъ что я тебѣ скажу напослѣдокъ. Я тебя презираю, слышишь, презираю! Кисляй ты! барченокъ! Не любишь ты искусства. Завязнешь ты въ этомъ самомъ болотѣ по горло!.. Прощай!.. Голубчикъ, Петруша, ѣдемъ!.. Брось эту блажь, ей-Богу!.. перешелъ онъ вдругъ въ умоляющій тонъ.

—Не могу, силъ не хватаетъ. Надо быть жестокимъ хоть немного, а я... я не могу...

—Не можешь. Такъ прощай!

Ногтевъ заплакалъ, махнулъ рукой и стремительно выбѣжалъ.

Черезъ два дня Петя ѣхалъ въ Бесаги, отказавшись отъ заграничной поѣздки.

Конецъ.

5/XI-40 40x.

Продолжается подписка на 1907 г.

5р

I.

„РОДНИКЪ“

XVI г. изд. подъ одной редакціей. Журналъ для семьи и школы. 24 №№ журнала, 12 кн. „**Библіотеки Родника**“ (всего 36 кн.) и 24 отд. картинки.

Цѣна въ годъ 5 руб. съ пересылкой.

II.

„Воспитаніе и Обученіе“

XXXI г. изданія. Педагогическій журналъ. 12 №№ въ год.

Цѣна въ годъ ОДИНЪ руб. съ пересылкой.

III.

„СОЛНЫШКО“

III годъ изданія. Журналъ для дѣтей младшаго возраста. 12 книж. Приложеніе—40 картинъ съ текстомъ.

Цѣна въ годъ ОДИНЪ руб. съ пересылкой.

Адресъ редакціи: *С.-Петерб., Захарьевская, 1. (Тел. 46-6*

Адресъ конторы: *С.-Петерб. Сергіевская, 17, (во дворѣ).*

Отдѣленіе конторы: Москва, у Н. Печковской (Петровскія лин

Редакторъ-изд. *Алексѣй Альмедингенъ.*

HECKMAN
BINDERY INC.
JUL 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA CHAPEL HILL
00005294086